

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

МЕТОДОЛОГИЯ
ИСТОРИИ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Александр Лаппо-Данилевский

Методология истории

«Территория будущего»

Лаппо-Данилевский А. С.

Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский — «Территория будущего»,

Вашему вниманию предлагается работа «Методология истории» историка, философа, академика Петербургской Академии наук – Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. Его перу принадлежат труды и публикации по социально-экономической, политической и культурной истории России XV—XVIII вв., историографии, методологии исторической науки. В основу работы легли читанные им специальные курсы по этой дисциплине в Историко-филологическом институте в Санкт-Петербурге.

© Лаппо-Данилевский А. С.

© Территория будущего

Содержание

Введение[1]	5
§ 1. Понятие о методологии истории и ее значение	5
§ 2. Теория исторического знания и методы исторического изучения	11
§ 3. Краткий очерк развития методологии истории в прошлой и современной литературе	13
Часть I	34
Отдел первый	37
Глава первая	37
§ 1. Развитие понятия о законосообразности исторических явлений	37
§ 2. Развитие понятия о законообразности исторических явлений в психологическом смысле	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

А. С. Лаппо-Данилевский

Методология истории

Введение¹

§ 1. *Понятие о методологии истории и ее значение*

Теория познания лежит в основе методологии науки: без теории познания нет возможности обосновать систему принципов научного мышления и его методов. В самом деле, теория познания устанавливает то значение, какое наше сознание должно придавать нашему знанию, его априорным и эмпирическим элементам; те конечные основания, в силу которых мы признаем его достоверным и общезначимым, а не ложным и случайным; то объединяющее значение, какое оно имеет для наших разрозненных представлений; то научное значение, какое мы приписываем нашему знанию об общем и об индивидуальном и т. п. Между тем в зависимости от того, а не иного решения вышеуказанных проблем мы, в сущности, принимаем и те, а не иные принципы, значит, и обусловленные ими методы науки, т. е. строим соответствующую методологию.

Итак, методология науки конструируется с теоретико-познавательной, а не с психогенетической точки зрения. Изучение генезиса нашего знания может, конечно, пригодиться и для выяснения его оснований, но не придает им силы: и великая истина, и великое заблуждение имеют свой генезис; но об их познавательном значении нельзя судить по их генезису. С такой точки зрения нельзя смешивать теорию познания с изучением факторов, играющих весьма важную роль в генезисе нашего знания, например, творческого воображения, «случайности» и т. п.; для анализа научных понятий психогенетическое их изучение имеет лишь вспомогательное значение. Вместе с тем, в зависимости от данной теоретико-познавательной, а не генетической точки зрения, мы в сущности принимаем и те, а не иные принципы и методы изучения данного материала, хотя и развиваем их в зависимости от объектов, которые нас интересуют.

Ввиду тесной связи между теорией познания и методологией науки последняя может развивать, исправлять или дополнять общую теорию познания и, таким образом, оказывает ей существенные услуги, хотя бы размышления подобного рода и не представляли ничего ценного для специально-научных изысканий. Теория познания, например, долгое время строилась слишком односторонне: она принимала во внимание одно только естествознание и стояла в зависимости от одного только изучения «природы»; за последнее время, однако, теория познания обогатилась новой отраслью – теорией исторического знания, возникшей благодаря тому, что мыслители конца прошлого века обратили серьезное внимание на логическую структуру собственно исторического знания.

Методология науки имеет, однако, значение и для обоснования, а также для построения данной ее отрасли. Наше сознание, характеризуемое систематическим единством всех наших понятий, требует такого же единства и в нашем знании, особенно в науке; но без методологических размышлений нельзя достигнуть некоторого единства в области научных представлений; лишь строго придерживаясь той теоретико-познавательной точки зрения, которая всего более удовлетворяет такому требованию нашего сознания, мы можем пользоваться соответствующими принципами и методами, чтобы обосновать наше знание, объединить известные

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Часть I. Теория исторического знания: Пособие к лекциям, читанным студентам С. – Петербургского университета в 1909 / 10 уч. году. СПб., 1910.

данные нашего опыта, придать единство нашему научному построению и выработать систему научных понятий, а не довольствоваться разрозненными научными представлениями. Во всяком случае, методология науки должна принимать во внимание принципы такого единства, хотя бы в области данной отрасли знания. Установить принцип – значит, однако, опознать ту истину (аксиому), на которой он основан, значит продумать его в собственном сознании; но установить один принцип независимо от другого нельзя: методология не может ограничиться изучением каждого из них в отдельности; она стремится выяснить систему общих понятий, ибо только таким образом каждое из них получает надлежащее значение: она пользуется одним или несколькими наиболее общими понятиями, подсуммирует под них менее общие и т. д. Даже в математике, науке наиболее сложившейся, вопросы подобного рода обсуждаются довольно оживленно; методологические рассуждения в области математики привели в последнее время к сближению между логикой и математикой и к критическому рассмотрению основных принципов самого математического знания². Методологические рассуждения имеют тем большее значение применительно к наукам, логические особенности которых далеко еще не выяснены, а к ним надо причислить и историю. Методология истории также обсуждает основания исторического знания и способствует выработке обоснованной системы исторических понятий; специальные исследования не могут дать такой системы: они только готовят материал для нее, но система согласованных между собою исторических понятий устанавливается путем рассмотрения и формулировки основных принципов исторического знания и методического их раскрытия, возможно более последовательно проводимого сквозь всю историческую науку.

Методология данной отрасли науки нуждается, однако, еще в дополнительных понятиях, без принятия которых нельзя построить ее и выяснить особенности ее метода. С такой точки зрения и методология истории должна иметь в виду, кроме вышеуказанной общей цели, свою специфическую задачу: она стремится обосновать историческое знание, т. е. возвести его к основным принципам познания, обуславливающим (в логическом смысле) самую возможность всякого знания, а значит, и исторического; но так как историческое знание не ими одними обусловлено, то она устанавливает и производные принципы или положения, которые в комбинации с основными делают возможным изучение данных нашего опыта с исторической точки зрения и придают систематическое единство историческому знанию; в силу вышеуказанной связи между принципами и методами та же методологическая дисциплина, кроме принципов исторического знания, выясняет и те методы мышления, которые зависят от них и благодаря которым известная точка зрения прилагается к данному материалу; таким образом, она оттеняет и общее значение исторического метода, что получает особенно большой вес в глазах тех историков, которые готовы признать «историю» в сущности и прежде всего методом – и главные его особенности, зависящие также от объектов исторического изучения.

Если принять предложенное выше понятие о методологии науки вообще и методологии истории в частности, то на него можно будет опереться и для того, чтобы отразить возражения, которые высказываются против нее, главным образом с точки зрения интуитивизма.

В своих возражениях против значения размышлений над принципами и методами познания ученые интуитивисты часто слишком мало принимают во внимание только что указанное различие между основаниями исторического знания и его генезисом: некоторые из них полагают, что каждый интуитивно уже пользуется известными принципами и развивает методы исследования в самом процессе работы. Само собою разумеется, что метод развивается в процессе специально-научной работы; но теоретическое обоснование его нельзя смешивать с его развитием или с частными его приложениями; между тем достигнуть такого обоснования, т. е. установить общие принципы, лежащие в основе данного метода и его оправдывающие в логическом смысле, можно только путем методологических рассуждений, а ясное сознание

² Russel B. The Principles of Mathematics. Cambridge U. – P., 1903; Couturat L. Les principes des Mathématiques. Par., 1905.

их значения регулирует научное мышление исследователя. В зависимости от такого смешения понятий о теории познания и об его генезисе противники методологических рассуждений применяют, например, то, что можно сказать о научном творчестве, к научному методу: подобно тому как творческое воображение не создается, а зависит от особенностей данной индивидуальности и есть ее индивидуальный акт, так и научный метод создается, по их мнению, интуитивно и не нуждается в особых рассуждениях, которые давали бы его обоснование. Само собою разумеется, что творческое воображение не создается никакой методологией; но последняя дает понятие о критериях, в силу которых должно признать пользование им правильным или ошибочным. Человек, не обладающий достаточной силой творческого воображения, конечно, не может сделаться настоящим ученым, не будет и настоящим историком. Историк должен, например, воспроизводить в себе состояния чужого сознания, иногда очень далекие от привычных ему состояний, и ассоциировать между собою идеи, кажущиеся его современникам чуждыми друг другу; он должен обладать богатым и страстным темпераментом для того, чтобы интересоваться разнообразнейшими проявлениями человеческой жизни, ярко переживать то, что его интересует, глубоко погружаться в чужие интересы, делать их своими и т. п.; он должен быть также способным вообразить себе и более или менее смелую гипотезу, пригодную для объяснения фактов или для построения из них целых групп или серий и т. п. Без такого творчества историк, конечно, не построит какого-либо крупного исторического целого, а наличие у историка его собственного индивидуального творчества есть факт, который нельзя создать никаким историческим методом. Тем не менее историк должен сознавать и те основания, в силу которых он пользуется известными принципами и методами исследования; историк-ученый не может признать результаты интуитивно-синтетической строительной работы правильными, не выяснив, какие именно принципы лежали в ее основе и каково их значение, а также не подвергнув методов, да и самых результатов исследования предварительной проверке. Историк, широко практикующий подобного рода «дивинацию», все же часто прибегает к помощи научного анализа, прежде чем окончательно завершить свое построение; но в таких случаях он или пользуется им слишком мало, или выходит из своей роли историка-художника и удовлетворяется более скромною ролью историка-ученого: последний постоянно стремится систематически регулировать и контролировать силу своего строительного воображения и т. п. и думает достигнуть цели не путем исключительно интуитивно-синтетической дивинации, а путем научно-синтетического построения. Следовательно, вышеуказанное возражение, что историк работает интуитивно, при помощи творческого воображения и т. п., несколько не умаляет значения методологии истории.

Впрочем, с точки зрения понятий о синтезе и анализе ученые интуитивисты легко подыскивают и другое возражение, проистекающее из смешения понятия о логическом их соотношении вообще с понятием о генетическом преимстве в истории наук некоторых синтетических операций вслед за аналитическими. По мнению многих ученых, анализ должен предшествовать синтезу; значит, и рассуждения об общих принципах и методах наук, отличающиеся синтетическим характером, преждевременны. В рассуждениях подобного рода ученые упускают из виду тесную связь, в какой вышеуказанные понятия находятся между собою, и в сущности говорят не о наиболее общих формах или синтетических принципах нашего мышления вообще, а о специальных научных обобщениях в данной области нашего опыта. В самом деле, ведь нельзя же проводить какой-либо анализ без каких-либо руководящих принципов синтетического характера, хотя бы применение их к более конкретному содержанию и развивалось во времени. С этой точки зрения и рассуждения о принципах и методах исторической науки нельзя считать преждевременными: такие понятия сознательно или «бессознательно» более или менее обуславливают научно-историческое исследование, хотя содержание их и может изменяться во времени, в зависимости от действительного развития самой исторической науки и получать более точную, специфически научную формулировку.

Аналогичное смешение между двумя по существу различными точками зрения – теоретико-познавательной и эволюционной – также позволяет противникам методологии наук ссылаться еще на одно соображение: в истории наук методологические рассуждения обыкновенно следовали за великими открытиями, а не предваряли их. С генетической точки зрения методология науки действительно не предшествует ей, а следует за нею, ибо научное творчество не создается методологией (см. выше); но, не говоря о том, что наука складывается не сразу и последующее ее развитие зависит также от степени разработки ее методологии, можно сказать, что в данном случае речь идет о значении методологии для науки, а не о ее развитии: с аналитической точки зрения, методология науки логически предшествует ее выводам, систематическому ее единству.

Итак, лишь различая теоретико-познавательную точку зрения от психогенетической, можно избежать того смешения понятий, благодаря которому отрицательное отношение к методологии истории становится возможным.

Впрочем, возражения против методологии истории можно отразить и с точки зрения требования обоснованности и систематического единства исторической науки. Возражая против значения такой дисциплины, историки-интуитивисты забывают, что предварительное знание принципов и приемов научно-исторического построения, черпаемое из методологии истории, имеет существенное значение для научно-исторической работы: лишь в том случае, если историк, стремящийся к исторической правде, опознал те принципы и методы, которыми ему приходится пользоваться в процессе работы, он может ясно поставить себе известную познавательную цель, придавать систематическое единство своему знанию исторической действительности, не смешивая разных понятий, и проводить свою работу систематически, путем исследования, постоянно контролируя его ход.

Следует заметить, что помимо чисто теоретических соображений, в действительности те, которые возражают против значения методологических рассуждений,разумеется, пользуются известными принципами познания и методами изучения: только они не выделяют их сознательно из общего потока своего мышления. Один из великих ученых прошлого века, например, назвал свой знаменитый труд «теорией явлений электродинамических, основанной единственно на опыте»; он, значит, думал, будто для построения своей теории он не прибегал ни к какой гипотезе; а между тем он пользовался целым рядом «гипотез»; только он делал это, сам того не замечая³. В таких случаях многие рискуют, однако, смешать разные теоретико-познавательные точки зрения или употреблять принципы и методы, точно не выяснив себе их значения; и все же с течением времени сами ученые признают необходимость разобраться в них; достаточно припомнить здесь, например, имена Лобачевского и Riemann'a, Poincaré и Russell'я – в математике, Helmholtz'a, а также Hertz'a и Mach'a – в механике и физике, Ostwald'a – в химии, Du Bois Reymond'a и Cl. Bernard'a – в естествознании. Историки позднее других принялись за ту же работу; насколько, однако, они в настоящее время увлекаются методологическими спорами, видно хотя бы из той полемики, которая загорелась между Lamprecht'ом, Tönnies'ом, Barth'ом и Meyer'ом, Bernheim'ом, Below'ом, а также между многими другими учеными.

Таким образом, и отвлеченные соображения, и действительное развитие науки указывают на то, что методологические рассуждения имеют положительное значение.

Обсуждение методологических вопросов не всегда, конечно, имеет видимые практические последствия, тем не менее оно может быть весьма полезным: такое обсуждение оставляет в уме привычку к систематическому, методически правильному мышлению, а оно, разумеется, продолжает действовать и в сфере специальных исследований: оно всегда отражается на методе

³ Poincaré H. La science et l'hypothèse, 1 éd., p. 260. Речь идет об Ампере и его сочинении «Théorie des phénomènes électrodynamiques uniquement fondée sur l'expérience».

исследования (например, на точке зрения, с которой данный объект изучается), хотя бы такое отражение явно и не обнаруживалось в самом исследовании или в его результатах.

Впрочем, изучение методологии науки может приводить и к более заметным, видимым практическим последствиям; оно имеет значение и для построения науки, и для ее развития, т. е. для дальнейшей ее разработки.

При отсутствии методологического обсуждения основные понятия превращаются в своего рода *praenotiones* (покоящиеся на традиции); они или вовсе не определяются, или определяются неправильно, а при отсутствии строго выработанной терминологии и различно понимаются собеседниками; что сказать о формуле, элементы которой каждым из обсуждающих ее определяются различно? Далее, придавая нашему мышлению в любой области возможно большее единство, последовательность и согласованность, изучение методологии делает наши заключения гораздо более убедительными и для себя, и для других: лишь при единстве основания, т. е. выдержанности основной точки зрения, последовательности в рассуждении и согласованности выводов между собою, можно рассчитывать при высказывании своих мыслей на действительную убедительность их и для себя, и для других. Наконец, очищая индивидуальное мышление от случайных *praenotiones*, оно дает возможность более быстрого понимания друг друга, благодаря которому люди или приходят к соглашению, или убеждаются в принципиальном разногласии своих построений; сколько времени и сил тратится на праздные споры только потому, что спорящие взаимно не понимают своих исходных теоретико-познавательных точек зрения!

Изучение методологии имеет практическое значение не только для построения науки, но и для ее развития. Хотя научное открытие есть акт индивидуального творчества, тем не менее в ведении исторических работ тот, кто знаком с методами изучения данных объектов, с большим успехом и меньшей затратой сил приведет их к окончанию, чем тот, кто будет руководиться только «чутьем», «здравым смыслом» и т. п.; тот, кто что-либо открыл (например, новую точку зрения на какую-нибудь эпоху и т. п.), должен будет в разработке открытого уступить первенство тому, кто получил методологическую сноровку: ведь знание методологии дает возможность ясно определить основную точку зрения, придает выдержанность данному направлению мысли, оказывает влияние на самый ход исследования и вообще ограждает исследователя от увлечений его темперамента. Вместе с тем, лишь придерживаясь теоретически продуманного метода, историк (в особенности начинающий) будет в состоянии соблюсти должную экономию в своем мышлении, может избежать излишней траты сил на самостоятельное разыскание точек зрения и путей, уже ранее установленных, и т. п. Обобщение метода работы также облегчает взаимное согласие и содействует развитию взаимопомощи между историками; оно внушает доверие данного исследователя к работам других, что дает ему возможность, не проделывая всего собственными силами, пользоваться чужими работами. Самый добросовестный историк при обработке мало-мальски обширной темы не может обойтись без дополнительных сведений, почерпнутых им из вторых рук; в противном случае наука не могла бы идти вперед: каждый историк сызнова должен был бы исполнять всю работу своего предшественника. Для того, однако, чтобы с успехом пользоваться чужими выводами, надо иметь какой-нибудь критерий достоверности; последний состоит в том, что формальная корректность мышления, методологические требования соблюдены; но пользование подобным критерием, очевидно, предполагает со стороны пользующегося предварительное знание подобных требований, а знание их он может почерпнуть из методологии истории. Таким образом, знание методологии дает возможность историку систематически проверять чужие выводы относительно исторических фактов с точки зрения их метода и лишь после удовлетворительных результатов такой проверки опираться на эти выводы, поскольку они оказываются в методологическом смысле правильными.

Вышеприведенные рассуждения об утилитарном значении методологии науки, конечно, тем более применимы, чем менее установлены исходные ее положения. Хотя они и в естество-

знании далеко не вполне выяснены, но еще более спорны в такой области научного знания, как история, а потому здесь чувствуется особенная нужда в теоретико-познавательных и методологических разысканиях.

Несмотря на то что вопрос о возможности и желательности преподавания методологии легко решить уже на основании вышеприведенных рассуждений в утвердительном смысле, тем не менее против такого преподавания можно еще высказать следующее соображение: только знание, самым приобретенное, основанное на собственном опыте, только знание, которое не может быть выучено и передано, но осознано, пережито и открыто, – только такое знание достоверно. С этой точки зрения преподавание методологии науки может показаться бесполезным.

Систематическое обоснование принципов науки и методов ее изучения едва ли достижимо, однако, путем одного только практического применения их к решению частных случаев; но вместе с тем нельзя не заметить, что преподавание методологии науки вообще и истории в частности полезно лишь в том случае, когда ее выводы перевоспроизводятся каждым из нас в применении к материалу, собранному собственным наблюдением, и переживаются на собственном опыте. В самом деле, задача высшего образования состоит, главным образом, в том, чтобы дать методологические указания, которыми каждый мог бы руководствоваться для того, чтобы самому разобраться в собственных мыслях и получить научные средства для дальнейшей работы мысли.

Вообще значение преподавания методологии истории теоретической и в особенности технической теперь уже осознается многими. В университетах курсы по истории комбинируются с курсами по методологии истории. В Collège de France при курсе «всеобщей истории» курс методологии истории читался несколько раз (кафедра «Histoire et Morale»). В начале прошлого века (с 1819 года), например, Дону (Дапону) начал читать там лекции, в которых он пояснял своим слушателям принципы и методы исторической критики и исторического построения. Вслед за ним Мишеле в 1842—1843 г. излагал принципы философии и методологии истории и затем применял их к истории XVI, XVII и XVIII ст. А в 1905 г. в том же Collège de France был учрежден (на пятилетие, да и то благодаря пожертвованию частного лица) дополнительный курс «всеобщей истории и исторического метода», открытый 6 декабря Моно. Во многих университетах курсы по методологии истории сводятся, однако, главным образом к преподаванию методологии технической, а сама методология смешивается с «вспомогательными историческими науками». Таким образом, получается: или кафедра (а иногда только курс) по истории и преимущественно истории Средних веков, в связи с курсом по «вспомогательным наукам истории» (Geschichte des Mittelalters und historische Hilfswissenschaften) – курсы подобного рода читаются, например, Бернгеймом в Грейфсвальде, Редлихом в Вене, Зелигером в Лейпциге, Шульте в Бонне, Биттерауфом в Мюнхене и т. п., или курсы по «вспомогательным наукам» (Historische Hilfswissenschaften), читаемые, например, Танглем в Берлине, Ланглуа в Париже, Симонсфельдом в Мюнхене и проч., или же, наконец, занятия по каким-либо специальным отраслям наук, например нумизматике, дипломатике и т. п. (Ecole pratique des hautes études à la Sorbonne, Ecole nationale des Chartes в Париже, проф. Lane Poole в Oxford'e и др.). Только в самое последнее время некоторые историки начали читать особые курсы по «историческому методу», например, Сеньобос в Парижском университете.

Таким образом, можно сказать, что преподавание методологии истории в том или ином виде уже практикуется; только тесная связь между теорией познания и методологией этой науки, между ее принципами и ее методами все еще не всегда ясно создается, что препятствует выделению особой отрасли научно-исторического знания – методологии истории.

§ 2. Теория исторического знания и методы исторического изучения

На основании соображений, изложенных выше, легко придти к заключению, что методология науки преследует две задачи – основную и производную; основная состоит в том, чтобы установить те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов; производная сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, которыми что-либо изучается. Подобно методологии всякой другой отрасли науки, и методология истории, разумеется, ставит себе те же задачи; соответственно им она и распадается на две части; я назову их теорией исторического знания и учением о методах исторического мышления.

Теория исторического знания занимается установлением принципов исторического знания, основных и производных; например, с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные нашего опыта? какое значение историк должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях? каков критерий исторической оценки, на основании которого историк проводит выбор материала? в каком смысле он пользуется понятиями «эволюция», «прогресс», «регресс» и т. п.? Такие вопросы решаются различно. В теории исторического знания я попытаюсь выяснить, какую познавательную цель ставят себе исторические школы разных направлений и какой характер получает историческая наука в зависимости от того, будет она с номотетической или с идеографической точки зрения изучать исторический материал, и каковы основные принципы каждого из этих построений.

При обозрении методов исторического мышления последние можно, конечно, рассматривать с формально-логической точки зрения, вне их зависимости от сочетаний, пригодных для изучения собственно исторических фактов; сюда надо отнести, например, размышления о роли анализа и синтеза, дедукции и индукции в исторических науках и т. п.; но можно излагать методы исторического мышления, взятые в относительно частных сочетаниях, поскольку последние обусловлены познавательными (научными) целями, преследуемыми ученым при изучении исторических фактов. С последней точки зрения, более соответствующей задачам собственно исторической методологии, я и буду рассуждать о методах исторического изучения. Учение о методах исторического исследования исходит из той познавательной точки зрения, которая обосновывается в теории исторического знания и, не вдаваясь в рассуждение об историческом значении исторических фактов, имеет в виду более скромную цель: оно выясняет то соотношение, которое существует между принятой в нем познавательной точкой зрения и данным объектом исторического знания, т. е. зависимость данной комбинации принципов и методов от уже принятой познавательной точки зрения, а также от свойств объектов, подлежащих историческому исследованию; в связи с принципами оно дает систематическое понятие преимущественно о методах, благодаря которым историк занимается изучением исторической действительности.

Такое учение обнимает «методологию источниковедения» и «методологию исторического построения». Методология источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему источниками, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует); методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, объясняя, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), строит историческую действительность.

Само собою разумеется, что методы исторического изучения нельзя отождествлять с техническими приемами исследования; последние основаны не столько на принципах, сколько

на правилах работы и находятся в ближайшей зависимости от свойств изучаемых объектов. В самом деле, хотя, с генетической точки зрения, методологические принципы развиваются вместе с техническими приемами исследования, однако на основании выше сделанных замечаний легко заключить, что принцип и техническое правило не одно и то же: принцип требует своего обоснования путем опознания заключающейся в нем истины; техническое правило не обосновывается, а формулируется ввиду той утилитарной цели, которая ставится исследователем; правила подобного рода преимущественно и лежат в основе собственно технических приемов работы. Вместе с тем последние должны находиться в возможно более тесной зависимости от свойств изучаемых объектов, т. е. от особенностей исторических фактов; подобно тому как физик пользуется инструментами для производства своих работ, и историк стремится придумать наилучшие орудия для обработки данного рода исторических источников или явлений и событий. Общий курс методологии истории не может, однако, задаваться целью изложить учение о технике исторического исследования: в сущности, она всего лучше усваивается в работе над соответствующими видами сырого материала.

§ 3. Краткий очерк развития методологии истории в прошлой и современной литературе

В развитии методологии истории легко заметить несколько периодов. На первых порах писатели находились под обаянием классических образцов и рассуждали о таких методах, главным образом, в связи с приемами ораторского искусства, а также с правилами художественно-литературного изображения истории и исторического стиля; значит, они имели в виду не столько методологию истории, сколько «искусство писать историю», и рассматривали его в связи с ораторским или поэтическим искусством. Такой взгляд на историю стал меняться со времени Возрождения, когда гуманисты приступили к научному изучению классической древности, а также благодаря возраставшему их интересу к политическим наукам и к истории культуры: тогда и методология истории, отличаемая от ораторского искусства и поэтики, стала приобретать более наукообразный характер и самостоятельное значение. Вслед за тем под влиянием философии, углубляя и расширяя понятие о своей науке, историки начали соответственно видоизменять постановку ее задач и методов. Наконец, еще позднее ученые, принимая во внимание новые течения в области теории познания, стали приближаться к более точному пониманию основных целей собственно исторического знания, благодаря которому они или с номотетической, или с идеографической точки зрения приступили к выработке методологии истории⁴. Обратимся к краткой характеристике каждого из четырех вышеуказанных периодов в отдельности.

Писатели классической древности оставили нам много образцов изображения истории, но очень мало рассуждений о методах ее построения; их приходится разыскивать преимущественно в сочинениях, имеющих отношение к ораторскому искусству. Впрочем, важнейшие составители подобного рода сочинений, например Цицерон и Лукиан, требовали от историка правдивости и беспристрастия. Цицерон формулировал известное правило, которого каждый историк должен придерживаться: «*ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat...*» и проч.; при изучении великих деяний историк должен оценивать намерения людей, выяснять обстоятельства, при которых действия их происходили, объяснять причины событий в их зависимости от случайностей и от человеческой мудрости или смелости, отмечать выдающихся людей, изображать человеческую жизнь в легкой и художественной форме. Лукиан уже отметил, что цели поэзии и истории различны; поэзия не связана действительностью; история, напротив, имеет в виду «полезное, добываемое из истины» и, строго говоря, не нуждается в вымышленных украшениях⁵. Тем не менее многие историки того времени излагали прошлое ввиду какой-либо посторонней науке цели, т. е. убеждали читателей в приемлемости некоторых рассуждений, или во всяком случае, должны были подчиняться требованиям художественно-литературного повествования; между тем искусство убеждать кого-либо было тесно связано с ора-

⁴ Библиографические указания на литературу предмета см. в следующих сочинениях: *Lenglet du Fresnoy N. Méthode pour étudier l'histoire* (1713), Préface и приложенный к изданию 1714 г. (rev. et augm. par J. V. Mencke Lpz., p. 5–12) «Catalogue des principaux historiens» etc. *Daunou P. E. F. Cours d'études historiques*, т. VII; *Bernheim E. Lehrbuch der Historischen Methode*, 6 Aufl. 1908 (особенно Kap. II, § 3); *Flint R. The philosophy of history in France; The philosophy of history in Germany*; есть франц. пер. L. Carrau. Par. 1878 в 2-х т.; *Barth Th. Philosophie der Geschichte als Soziologie*. Lpz. 1897. Bd. I. (есть рус. пер.); *Петров М. Пропедевтика* (введение к лекциям по истории Нового времени); последнее (посмертное) издание с добавлениями редактора; *Кареев Н. Основные вопросы философии истории*, изд. 3-е и др. Сведения о текущей литературе, касающейся методологии истории, см. в «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft» (с т. XII, 1889 г.), а также в исторических журналах, особенно в *Rev. De synthèse historique* (до 1909 г., т. I—XVIII) и в *Hist. Zeit.* (до 1909 г. Bb. 1–103 и др.); отдельные монографии в серии «Geschichtliche Untersuchungen, herausgegeben von K. Lamprecht» и др.

⁵ *Cicero. De oratore* II, 15; *Lucian. Πως δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν*, ed. F. Fritzsche, 1860, § 8, 42. В другом месте своего сочинения Лукиан пишет, что единственное дело историка – сообщать о случившемся и о том, как оно случилось; но автор не останавливается на развитии последней мысли; см. § 39, 44.

торским искусством; а для того чтобы удовлетворить эстетическим требованиям, историки прибегали к искусственным приемам изложения; они заставляли, например, своих героев говорить речи (Фукидид) или допускали разные отступления, поддерживавшие внимание читателя и т. п., что роднило «искусство писать историю» не только с наставлениями моралиста, но и с искусством оратора или поэта.⁶

В самом деле, старейшие из рассуждений о приемах исторической работы и исторического рассказа сохранились именно в трактатах об ораторском и поэтическом искусстве. В своем рассуждении Цицерон, например, указывал на то, что «созидание истории предполагает изучение предмета», его оценку и «искусство изложения». Лукиан, известный ритор, также требовал от историка политической прозорливости и искусства излагать события (*δύναμιν ἐπιτηδεύτητήν*); затрагивая понятие о построении «гармонического» целого, он облекает его в форму требования художественного повествования: рассказ историка, по его словам, не должен представляться совокупностью случайно собранных рассказов; нить его должна быть непрерывной; элементы его должны быть также тесно связаны между собою; течение его должно быть естественным, быстрым и т. п. Вместе с тем Лукиан разрешает историку хвалить и порицать исторических деятелей, впрочем, в возможно более кратких и умеренных выражениях, вставлять в уста своих героев публичные речи и таким образом обнаруживать всю силу своего ораторского искусства, а также при удобном случае (например, изображая сражение) прибегать и к поэтическому искусству.⁷

Такое же направление легко усмотреть и в позднейшей литературе: писатели Возрождения часто находились, конечно, под влиянием вышеназванных авторитетов классической древности и, преувеличивая требования своих учителей, иногда слишком мало различали искусство историка от искусства оратора или поэта. Смещение подобного рода, разумеется, особенно долго держалось в изложении правил исторического рассказа или построения: под искусством историка чаще всего разумели искусство писать историю, и такое искусство смешивали с искусством оратора или поэта. В XV в., например, Понтан признает историков своего рода ораторами и приписывает историческому знанию поэтический характер, а в связи с такими взглядами излагает и правила, «как писать историю». В следующем столетии Виперано в труде, озаглавленном «*De scribenda historia*», называет историческую науку «*rerum gestarum ad docendum rerum usum, sincera Illustrisque narratio*»; отсюда видно, что он сводит историческое построение к откровенному и блестящему рассказу деяний; но он же допускает в нем речи и отступления и уподобляет его произведению, составленному по правилам ораторского искусства. Маскарди, бывший профессором риторики в Риме и издавший свой объемистый трактат (*Ars historica*) в 1630 г., в отделе, озаглавленном «*Struttura dell'istoria*», устанавливает естественную связь между искусством историка и искусством оратора или поэта. В довольно серьезном труде об историческом искусстве (*Ars historica*, 1623) Фосс также вполне допускает для историка употребление «речей» и «отступлений» и готов поступиться второй половиной известного правила: «*ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat*». Даже в конце того же века автор трактата «об истории» (*De l'histoire*, 1670), отличавшегося довольно видными достоинствами, Лемуан (*Le Moine*) еще указывает на то, что историк должен быть поэтом: без поэтического дара он не будет в состоянии дать художественное изображение прошлого в историческом рассказе. С такой точки зрения естественно было сводить методологию исторического построения к правилам «об искусстве писать историю» и связывать его с искусством оратора или поэта.

⁶ *Tacit.* Dial. de orat., c. 29, 39: «orationes et excessus».

⁷ *Lucian.* Op. cit. § 45, 58, 59 и др. Дионисий Галикарнасский также предъявляет историку требования, довольно сходные с правилами Цицерона, и ценит в нем правдивость и умение удачно выбирать сюжет своего рассказа.

Со времени Возрождения, когда ученые стали интересоваться остатками классической культуры и древними текстами, их редакциями и т. п., естественно начинать новый период в развитии исторического метода, а значит, и в историографии сочинений, посвященных научному изложению методологии истории. Приверженцы этого направления, правда, все еще иногда смешивали методологию истории с «искусством писать исторические сочинения» и риторически-поэтическими правилами исторического стиля, что видно из вышеприведенных фактов; но в произведениях многих ученых научное настроение уже начинало крепнуть. В своем известном трактате Фосс, например, выделяет особую научную дисциплину *ιστοριχή*, которая выясняет понятие об истории и дает свод правил о том, каким образом устанавливать достоверность источников и избегать ошибок, а также какие периоды различать в истории государства, каким образом сочинять исторический рассказ, каких стилистических правил держаться и т. п.; впрочем, он сообщает мало нового⁸. Дальнейшее обособление наукообразной истории от литературы художественной произошло частью под влиянием развития методологии источниковедения и в особенности исторической критики, частью благодаря возраставшему вниманию историков к той связи, в какой история находится с юридическими и политическими науками, и усилившемуся их интересу к внутренней культурной истории. В самом деле, требования, предъявляемые исторической критикой, т. е. стремление установить подлинность и достоверность источников, заметно усилившееся в Новое время, часто могло оказываться в противоречии с приемами ораторского или поэтического искусства. Рапен, например, указывал на то, что употребление речей в рассказе далеко не всегда совместимо с требованиями его достоверности, а потому к ним можно прибегать лишь с большой осторожностью; он высказывается и против отступлений. С такой же точки зрения Даламбер, требуя от историка фанатической преданности истине, остроумно замечает, что сами историки сочли бы очень обидным для себя, если бы читатели поверили, что речи, приводимые ими, были действительно сочинены теми героями, которым они приписывают их составление; он же высказывается против употребления такого приема в историческом рассказе, долженствующем отличаться строгой достоверностью; подобного рода требования, конечно, шли вразрез и с поэтическими вольностями, допускаемыми прежними историками. Вместе с тем историки начали обнаруживать больше интереса к внутренней жизни государств: они стремились поставить изучение истории в связь с характером данной нации (Боден), с юридическими и политическими науками (Бодуэн в XVI в., позднее – Вольтер, Вегелин и др.) и с общей историей культуры (Лемуан, Вольтер и др.); они стали обращать большее внимание не только на прагматическое изложение (Рапен и др.), но и на процесс культурного развития человечества (Гердер и др.).

С такой точки зрения и прежние рассуждения об «искусстве писать историю» и о тесной его связи с приемами ораторского или поэтического искусства становились недостаточными. Уже Бодуэн (XVI в.), а затем и Бени (P. Béni. «De scribenda historia», 1614) проводят различие между искусством историка и искусством оратора или поэта. Рапен ставит исторический род даже возможно далее от поэтических родов.

Не останавливаясь на перечислении других сочинений подобного рода, вышедших в то время, я только замечу, что уже в XVII в. методология истории получила дальнейшее развитие в специальных трудах Мабильона, Конринга и некоторых других исследователей. Две попытки того времени изложить и общую методологию истории заслуживают внимания, а именно трактаты Ленглэ и Мабли; в них обнаружилось дальнейшее развитие наукообразного понимания методологии истории, главным образом, методов исторического изучения. Ленглэ преимущественно обратил внимание на методологию источниковедения, Мабли – на методологию исторического построения.

⁸ *Voss Gerh. Joh. Ars historica sive de historiae natura et ejus conscribendae praecipis*. Leyden, 1623. Вместе с изданием собрания сочинений Vossius'a издание 1653 г. Lugduni Batavorum считается наиболее полным и лучшим; ср. выше.

В начале XVIII в. нельзя не заметить довольно скептического отношения ученых к достоверности некоторых исторических источников, а значит, и построений, особенно в области древнеримской истории. Этот скепсис вызвал со стороны нескольких историков попытки выяснить степень достоверности исторических знаний и указать на способы пользоваться ими; автор одного из лучших сочинений того времени по методологии истории Ленглэ и преследовал такую именно цель⁹. В своей книге автор частью выясняет принципы, частью и главным образом формулирует правила исторической методологии, соблюдение которых придает достоверность историческим знаниям; смешивая методологические принципы с правилами исторической техники, он включает в свое рассмотрение и педагогику истории, т. е. излагает приемы наиболее рационального ознакомления с историей (священной, древней и «новой», а также с отдельными отраслями истории – политической и культурной).

Ввиду условий, при которых книга возникла, Ленглэ обращает внимание преимущественно на методологию источниковедения. В его трактате можно встретить намеки на то, что одни источники (например, хартии, надписи, медали) стоят ближе к историческим фактам, т. е. «современны действиям, объяснение которых можно найти в них» (Р. 339), другие – дальше от изображаемых в них фактов (что, например, часто наблюдается даже в мемуарах и т. п., р. 307 и сл.). Согласно с вышеуказанной целью книги автор мало останавливается на исторической интерпретации: он затрагивает ее, например, рассуждая о вспомогательных науках, к которым он относит не только географию и хронологию, но и знания о религии и нравах. Главное содержание методологической части его трактата сводится, однако, к изложению оснований исторической достоверности; она заключается в личном наблюдении (*autopsie*), в не вызывающих сомнения документах, которым автор придает особенное значение, и в согласии показаний заслуживающих доверия лиц. Критерии доверия сводятся к оценке автора, сочинением которого мы пользуемся; ему можно доверять, если он сам наблюдал событие или получил сведения о нем от очевидцев, если тот отличается беспристрастием и точностью рассказа. Впрочем, Ленглэ принимает в расчет влияние разных обстоятельств (характера, состояния и проч.) на правдивость автора, а также условия, вызвавшие искажения в передаче известий о давно минувших событиях, и различие между оригиналом и копиями с него; он, сверх того, указывает и на опасность «гиперкритики» и скепсиса.

Методология исторического построения в книге Ленглэ почти не затронута; но в зависимости от общего понимания задачи истории он и историческое построение сводит к установлению причинно-следственной связи между побуждениями и действиями людей. Изучать историю, по его словам, – значит изучать мотивы, мнения и страсти людей, чтобы проникнуть во все тайные пружины его деятельности, все его пути и изгибы его души, наконец, чтобы узнать все иллюзии, которые овладевают его духом и неожиданно для него самого волнуют его сердце; одним словом, чтобы добиться познания самого себя в других. Та же мысль (за исключением последней фразы) почти дословно встречается в сочинении аббата С. Реаля¹⁰. В конце своего трактата Ленглэ припечатал его рассуждение. С. Реаль рассуждает в нем о том, что иногда маловажные причины порождают важные следствия (события), что действия человека объясняются почти всегда зложелательством его удовольствия («*par la malignité de nos plaisirs*») или тщеславием, что большинство «добродетельных» действий не всегда вызвано добродетелью, что общественное мнение регулирует действия людей, даже действия самых разумных из них.

⁹ *Lenglet du Fresnoy N. Méthode pour étudier l'histoire*, 1713 (ссылки относятся к лейпцигскому изданию 1714 г. с дополнениями J. V. Mencke); см. еще и «*Suppléments*» к тому же сочинению, 1740.

¹⁰ *Abbé de S. Réal. De l'usage de l'histoire*. Par., 1672. Автор признает, что «знание вообще состоит в знании причинно-следственной связи, ибо знать – значит знать вещи по их причинам; также знать историю – значит знать людей, которые (своими действиями) и дают содержание историческому процессу, судить об этих людях, изучать историю... и т. д., почти дословно, как у Ленглэ, который, однако, в данном месте не ссылается на соч. С. Реаля.

Мабли, один из последних историков XVIII в., сочинивший трактат об «искусстве писать историю», также обнаружил тенденции придать ее методологии более наукообразный характер и, главным образом, пытался установить более научные приемы исторического построения.¹¹

Действительно, под влиянием вышеуказанных новых требований исторической науки Мабли приближается и к более научному пониманию приемов исторического метода. Вообще, признавая, что историк должен стремиться к правдивости рассказа, автор трактата проводит различие между оратором или поэтом, которые задаются целью увлечь читателя, и историком, который является как бы свидетелем, обязанным давать правдивые показания. Вместе с тем автор требует от историка знания естественного права и политики, благодаря которым он может правильно оценивать начала и формы правления, государственную деятельность правительств и т. п. Уже заметно интересуясь историей культуры и права, Мабли с такой точки зрения рекомендует историку соблюдать единство построения и советует ему изучать права, законы и управление данной нации, привязывая к ним подробности, которыми факты связаны между собой.

Впрочем, в своих трудах об изучении истории и искусстве писать ее Мабли еще не пришел к определенному пониманию главной цели исторической науки, а потому и в понимании задач исторического построения он допускает довольно значительные колебания. Все же тесно связывая, например, понятие о законосообразности в истории с практической пользой черпаемого нами из исторической науки, Мабли высказывает соображения, не лишённые значения для понимания ее принципов и методов. В номотетическом, обобщающем смысле история, по его словам, должна служить школой морали и политики; но уже с такой точки зрения надо разбираться в массе исторических фактов, а не всецело подчиняться им; с политической точки зрения, история представляет интерес, если она дает правителю указания на «основные начала благоденствия или падения государств», на причины, влияющие на общественную жизнь, на средства, при помощи которых можно ускорять или замедлять их действие, и т. п.; из истории правитель черпает также понятие о том, что «одни и те же законы, одни и те же страсти, одни и те же нравы, одни и те же добродетели, одни и те же пороки постоянно производили одни и те же последствия». С последней точки зрения задача исторического построения, значит, сводится к установлению более или менее общих законо-сообразностей исторического процесса.

Мабли не удерживается, однако, на такой точке зрения: он уже предчувствует новые приемы исторического построения. Для того чтобы судить о человеке, оказавшем воздействие на народную массу, надо, по его мнению, не упуская из виду характера нации, к которой он принадлежит, определить страсть (*passion*), образующую основу его характера, господствующую его добродетель или главенствующий его порок (ср. *faculté maîtresse* Тэна) и тогда построить его характер, а затем объяснить из него и особенности его воздействия на общество. Мабли уже останавливается и на приемах построения исторического целого: историк, по его мнению, должен соблюдать единство в своем построении и выбирать важнейшие дела, оказавшие решительное влияние на историю, как бы центрами, в отношении к которым он и будет располагать остальные факты, но и не пренебрегать характерными подробностями.

Тем не менее Мабли все еще сохраняет некоторые из особенностей старинного понимания исторического построения; он полагает, например, что история без «речей» не может быть поучительной.

После появления трактата Мабли об «искусстве писать историю» методология истории вообще значительно оживилась благодаря целому ряду специальных работ в области приложения исторических методов к изучению летописного и документального материала: стоит только

¹¹ *Mably G. V. de. De l'art d'écrire l'histoire* (1773); см.: *Oeuvres complètes*, Toulouse, т. XIX, 1793. Нем. перев. Т. R. Salzman'a с ученым предисловием А. L. Schlözer'a. Другое сочинение того же автора, известное под заглавием «*De l'étude de l'histoire*», – трактат, составленный им для молодого принца, сделавшегося потом герцогом Пармским и Пьяченским в 1765 г. – см.: *Oeuvres complètes*, Toulouse, т. XVIII, 1793. Русск. пер. Е. Чилиева «Об изучении истории», в 3 ч., СПб.

припомнить имена Шлецера и Гаттерера¹². В конце того же столетия Шёнemann издает уже целую «энциклопедию исторических наук», а через два десятилетия Ваксмут пытается дать новый обобщающий труд по части методологии истории.¹³

Тем не менее некоторые писатели Новейшего времени все еще находились под влиянием старинных традиций и продолжали придавать большое значение рассуждениям об «искусстве писать историю».

С такой точки зрения к ближайшим преемникам Мабли можно причислить известного Дону; с 1819 г. он начал читать свои лекции по методологии истории в Collège de France и, за исключением курса об исторической критике, все остальные посвятил, главным образом, изложению того отдела, который я называю методологией исторического построения, присоединив к нему соображения о приемах исторического повествования.¹⁴

Дону – представитель старого направления: он почитатель классической школы древности, «экспериментальной философии Бэкона» и «просвещения» XVIII в.; он не признает никакой идеально или априори построенной истории, хотя с похвалой отзывается о трактате Канта об идее всеобщей истории человечества; он отрицательно относится к эклектизму и к романтизму, борется со взглядами Кузена и Гизо и т. п.

Дону имеет довольно расплывчатое понятие об истории; он формулирует его под влиянием моральных и эстетических требований, предъявляемых историческому изображению. История, по его словам, есть «рассказ о частных поступках и в особенности о публичных событиях»; она дает картину судеб одного человека или целого народа, одного или нескольких веков; она регистрирует приключения и революции, среди которых человеческий род распространялся, цивилизовался или подвергался нравственному падению (Т. VII. P. 8). Автор не прочь оттенить, что и выбор сюжета также зависит от эстетических требований: сюжет, выбираемый историком, должен обладать единством и разнообразием; он также должен отличаться гармонией, а не монотонией (Т. VII. P. 36). Вместе с тем автор изучает применение истории, т. е. значение исторических знаний, для моральных и политических наук. Впрочем, Дону подробно излагает в своем труде приемы исторической критики и исторического построения, а именно изучает средства размещать факты в пространстве (историческая география – т. II, p. 293—525) и во времени (историческая хронология – т. 3 и 4); затем он переходит к изложению «искусства писать историю» (Т. VII). Автор признает значение «точных методов», применению которых в области моральных и политических наук он и приписывает их успехи, и усматривает связь между историей и такими науками; но в настоящем своем труде он имеет в виду изложить лишь приемы «сочинения истории» (Т. XII. P. 51), т. е. правила сочинения исторических произведений, причем исходит из известных четырех законов, изложенных еще Цицероном в его рассуждении «об ораторе», и изучает «искусство художественно изображать факты в рассказах». Автор придает существенное значение художественному изображению истории: слишком мало доказывая то, что он описывает, историк принужден заменять научность своего изложения художественностью изображения; вместе с тем предметы исторических изысканий имеют моральный характер и требуют «чистых и грациозных форм, а иногда и богатых красок»; наконец, сама по себе история живописна и драматична, а потому и исторический стиль должен быть живописным (*pittoresque*) (Т. VII. P. 17, 20, 23). Старинное понимание задач исторического изображения легко заметить и в подробных рассуждениях автора об отступлениях от общего хода исторического изложения (*maXimes, digressions etc*). В следу-

¹² *Wesendonck H.* Die Begründung der neuen deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer nebst Einleitung und Gang derselben von diesen. Lpz., 1876.

¹³ *Schönemann C.* Grundriss einer Encyklopaedie der historischen Wissenschaften. Göttingen, 1799; о Ваксмуте см. ниже.

¹⁴ *Daunou P. F. C.* Cours d'études historiques, t. I—XX. Par., 1842—1849.

ющих томах своего курса Дону иллюстрирует такие правила на частных примерах (Геродот, Фукидид и др. греческие и римские историки классической древности; см. т. VIII—XIX).

Труд Дону, разумеется, значительно устарел. Нельзя согласиться ни с его пониманием истории и ее задач, ни с его методологическими рассуждениями; в сущности он и не устанавливает ни принципов, ни методов научно-исторического построения, а лишь выясняет правила, пригодные, по его мнению, для сочинения исторических произведений, а также правила историко-литературного, художественного изображения и стиля. Впрочем, Дону уже сознавал, что историк должен быть знаком с философскими системами; он излагает их главнейшие направления – идеалистическое или «созерцательное» и реалистическое или «экспериментальное» (с т. XX). Хотя Дону с похвалой отзывается о попытке Канта свести историю человечества в систему, он все же относится скептически к таким построениям и предпочитает «экспериментальный метод», но ему не удалось закончить свой труд и подробнее выяснить приложение «экспериментального метода» к построению исторического процесса – «цепи причин и следствий».

В то время, однако, философия уже начинала оказывать некоторое влияние и на развитие методологии истории: еще мало заметное до середины XVIII в., оно значительно укрепилось в течение следующего столетия. В самом деле, Декарт с его рационализмом не мог питать большого интереса к истории и ее «случайностям», да и Бэкону не удалось решительным образом изменить такое настроение: занимаясь «классификацией наук», он, правда, отводил в ней известное место и истории; но он проводил свою группировку преимущественно с психологизирующей точки зрения; в основе ее лежала известная теория о «способностях» души; из трех основных «способностей» (разума, памяти и воображения) историческое знание он ставил в зависимость от памяти¹⁵. Естественно, что теория подобного рода не могла оказать большого влияния на развитие исторической науки: сами историки обыкновенно оставляли теорию исторического знания в стороне и рассуждали только о специальных методах изучения материала или еще чаще – о приемах исторического повествования.

Важнейшие моменты в развитии философской мысли XVIII—XIX ст. не замедлили, впрочем, отразиться и на методологии истории. С такой точки зрения, в пределах последних полутора столетий можно различать два периода, а именно: время влияния идей, связанных со старейшими философскими системами – преимущественно с немецким идеализмом, и время влияния новейших течений в области собственно теории познания на методологию истории.

В течение старшего из указанных периодов и, главным образом, под некоторым влиянием Лейбница, Канта и Гегеля возникли и старейшие из попыток построить методологию истории; в качестве важнейших иллюстраций можно указать на труды Хладения, Ваксмута, Гервинуса и Дройзена.

Хладений был современником Вольфа. Первоначально заинтересовавшись теорией исторического знания преимущественно с богословско-полемической и церковно-исторической точек зрения, он вслед за тем стал рассуждать о «познании истории» и с теоретико-познавательной точки зрения. Вообще, разумея под «Vernunftlehre» все то, что наш рассудок (*Verstand*) должен соблюдать при познании истины, Хладений признавал особою частью такого учения и правила исторического знания; рассуждая в духе Лейбница, уже указавшего на то, что старое понятие о «Vernunftlehre» слишком узко и должно быть расширено в противоположность рационалисту Вольфу, виттенбергский профессор пришел к заключению, что общепринятая «Vernunftlehre» с ее учением об общих понятиях страдает существенным пробелом: она не содержит учения о понятиях, противоположных общим, т. е. о понятиях индивидуальных (*die Individuelle Begriffe*). Логическая связь между общими понятиями и историческая связь между

¹⁵ См. ниже, отдел второй, глава первая.

действительно случившимися фактами, например, существенно различны: в истории нельзя логически выводить последующее из предшествующего, подобно тому как мы выводим частное из общего; задача историка, напротив, состоит в том, чтобы решить, каким образом то, что он знает о происшедшем в качестве последующего, следовало из предшествующего в той мере, в какой он также знает его; кроме того, историк имеет дело и со «случайными вещами» и т. п. С указанной точки зрения Хладений старается выявить особенности объекта исторического познания. Справедливо указывая на то, что под «историей» мы разумеем и случившееся в действительности происшествие, и наше представление о нем, автор признает объектом исторического знания «вещи, которые существуют или случаются». Впрочем, он вскоре приходит и к более узкому пониманию такого объекта: историк, в сущности, высказывает «исторические суждения» о переменах, действительно происшедших в мире и рассматриваемых сами по себе; но всякая перемена предполагает «субъект», к которому она относится, а субъект перемены может иметь разное значение: он может быть не только единичным существом (например, Цезарь), но и собирательным лицом (например, римская свобода). Историческое суждение и состоит частью в познании субъекта, частью в познании случающейся с ним перемены; но историк не может довольствоваться изучением таких перемен, отдельно взятых; он должен иметь в виду ряд перемен; последний и называется историей. При построении таких понятий историк обыкновенно переносит на целую группу то заключение, какое он делает на основании наблюдений над некоторыми ее членами, и, опуская множество «индивидуальных обстоятельств», преимущественно обращает внимание на чрезвычайные поступки и события; смотря по тому, какие из них он будет выбирать, какие будет считать «справедливыми» или «несправедливыми», история получит тот, а не другой вид. Вместе с рассуждениями о теории исторического знания Хладений высказывает немало соображений и касательно методов исторического изучения. Можно сказать, что Хладений впервые попытался обосновать методологию источниковедения: сами происшествия, по его мнению, мыслимы и без наличности того, кто наблюдает за ними; но нельзя сказать того же относительно знания о таких происшествиях. В последнем случае, т. е. при «познании события и вытекающих из него рассказов», следует относиться с таким же вниманием к наблюдателю и его особенностям, как и к самой «вещи». Впрочем, хотя Хладений был специально заинтересован герменевтикой, он почти не выделяет исторической интерпретации из критики. Хладений различает основные виды источников (*Privatbriefe, Staatsgesetze, Schriftsteller, Monumente*; последние бывают *stumme* – немые и *belebte* – одушевленные, т. е. такие, которые снабжены письменными указаниями), он обращает также внимание на различие между действительными обстоятельствами и превращениями, каким они подвергаются, с точки зрения зрителя или лица, сообщающего эти факты, в зависимости от его личных свойств, общественного положения и т. п.; он указывает на перемены, каким данное известие подвергается в ряде пересказов, пока оно не дойдет до историка, а также на критерии его достоверности; он признает таковыми свойства свидетелей, степень известности событий, удостоверение событий путем свидетельских показаний и документов, обратные заключения – от настоящего к прошлому и т. п.; он не забывает отметить и разные степени вероятности известия (отличие ее от достоверности), и условия, при которых та, а не иная ее степень устанавливается; наконец, он различает и способы оценки источника в зависимости от той разновидности, к которой он принадлежит. В своем труде Хладений дает понятие и о приемах исторического построения; он пытается, например, выяснить, что разуметь под историческим фактом и каковы его разновидности (S. 76 ff.), а также рассуждает об изучении причинно-следственной связи между фактами, причем понимает ее в психологическом смысле: историк, по его словам, изучает такие события, которые зависят от воли людей и их

действий, вызывающих известные последствия; с такой точки зрения он исследует причины фактов, их взаимную зависимость и связь.¹⁶

Не имея возможности здесь останавливаться на характеристике всех последующих попыток изложить методологию истории, хотя бы некоторые из них и представляли интерес, я только замечу, что после появления трактата Хладения важнейшие проблемы, столь широко поставленные им, долгое время оставались без дальнейшей разработки; лишь Ваксмут попытался подвергнуть их новому рассмотрению.

Ваксмут уже находился под влиянием Канта и его преемников; в 1820 г. он напечатал свой «Опыт теории истории», несмотря на свою краткость, довольно богатый содержанием. Автор различает «теорию истории» от «теории исторического искусства». «Теория истории», или «исторической науки», приводит в порядок объективно данный исторический материал путем «внесения» в него законов нашего разума и таким образом строит систематическое понятие о нем. Теория исторического искусства излагает учение о приемах обработки исторического материала, т. е. учит о том, каким образом историк путем исследования превращает свое субъективное знание в «собственность человеческого духа» и как он передает его в художественном произведении. С такой точки зрения Ваксмут и излагает теорию исторической науки; главный объект ее (в противоположность объекту естественных наук) – «действия человеческой свободы», осуществляемые главным образом под условием жизни человека в государстве; впрочем, и природа в ее отношении к человеческой свободе, проявляющейся в пространстве и во времени, также принимается во внимание историком. Далее, определив, в чем именно состоят подобного рода действия и их разновидности, автор останавливается на выяснении более частных понятий о разных родах истории (всеобщей, специальной и т. п., истории культуры и философии истории). В теории исторического искусства Ваксмут дает понятие о вспомогательных знаниях, которыми историк должен вооружиться, о приемах исторического толкования непосредственно данных ему переживаний и разнородных источников, через посредство которых он знакомится с прошлым; далее автор рассуждает о способах изучения «пространства и времени как формы исторических фактов», а также об историческом повествовании (*Darstellung*): он признает, что историк связан требованиями исторической критики и построения фактов в их причинно-следственной связи и что ему следует, не упуская из виду характерных их особенностей, представлять их в виде некоего «целого» и определять «значение» в нем частей, образующих такое единство; наконец, автор высказывает несколько соображений и относительно способа исторического изображения «в эстетической форме». Таким образом, Ваксмут дает обозрение многих важнейших проблем методологии истории; его книга до сих пор не вполне утратила свое значение и для их постановки, и для их решения.¹⁷

После появления труда Ваксмута методология истории в ее целом долгое время оставалась без дальнейшей обработки. Учение об идеях, которое Гегель развил в своей метафизике и применил в своей философии истории, оказало влияние и на понимание исторического процесса, и на построение методологии истории. Гумбольдт уже рассуждал в таком духе о задачах историка; книжки Гервинуса и Дройзена также написаны под обаянием того же учения.

В краткой, но содержательной своей статье Гумбольдт рассуждает о задачах историка с точки зрения учения об идеях, возникшего не без влияния Канта и развитого Гегелем в величественную систему; впрочем, Гумбольдт писал свою статью и под впечатлением одного замечания Шиллера, сравнивавшего задачи историка и поэта. Понимание, по словам Гумбольдта, вообще состоит в «применении предварительно данного общего к новому – частному». Историческое понимание затрудняется, однако, тем, что историк должен «заключать» о внутреннем содержании происшедшего по разрозненным единичным данным, доступным его чувствен-

¹⁶ *Chladenius J. M.* Allgemeine Geschichtswissenschaft. Lpz., 1752.

¹⁷ *Wachsmuth W.* Entwurf einer Theorie der Geschichte. Halle, 1820.

ному восприятию; он понимает их, прибегая, подобно поэту, к творческому воображению; таким образом, историк перерабатывает в себе собранное в единое целое и придает ему форму. Соответственно этой теории историк для изучения «того, что произошло», должен понимать господствующую в нем, но непосредственно не воспринимаемую им идею, помня, однако, что она может быть познана только из самих происшествий. Такие идеи по существу своему лежат вне конечного: по идеям прекрасного, истинного, справедливого (*die Schönheit, die Wahrheit, das Recht*) историк может догадываться о «планах мироправления» (*die Plane der Weltregierung*); но основная его задача – изобразить стремление данной идеи, достигнуть своего обнаружения в действительности (*Dasein*), особенно в гении или «великой индивидуальности». С такой в сущности метафизической точки зрения, идея – сила и вместе с тем цель изучаемого процесса, благодаря которому какая-либо из сторон бесконечности отражается в действительности и придает ей единство и форму. Следовательно, историк должен исходить из идеи для того, чтобы при осторожном обращении с доступным ему фрагментарным материалом построить из него некое целое; лишь становясь в его центральном пункте, он может понять и изобразить истинную связь между историческими фактами. Такая постростроительная работа во многих отношениях сходствует с творчеством художника, который также исходит из идей для того, чтобы постигнуть истину формы.¹⁸

Влияние того же немецкого идеализма отразилось и в труде Гервинуса, посвященного краткой характеристике «исторического искусства». В своей книжке он, правда, не ссылается на Гегеля, но во всяком случае, сочувственно относится к Гумбольдту. Хотя Гервинус и пишет, что ему пришлось основываться почти исключительно на собственных размышлениях и опыте, сам он хвалит «прекрасное» рассуждение Гумбольдта и в сущности заимствует из него учение об идеях. Гервинус рассуждает, например, о наличности некоего мирового плана в истории; о целом человечестве, о борьбе между свободой и необходимостью в истории, о значении в истории того, в чем можно усмотреть отношение к какой-либо исторической идее, о воплощении идеи в великих людях и т. п. Вместе с тем и историк, по мнению автора, не должен упускать из виду, что он изучает идеи, обнаруживающиеся в исторической действительности. Задача истории в том, чтобы рассматривать вещи согласно данным нашего опыта только в их проявлениях в действительном мире, кажущемся нам случайным, и разыскивать их истинное отношение друг к другу. Только в том случае, если историк поставит часть, изучением которой он занимается, в отношении к целому человечеству, он будет в состоянии дать настоящее историческое произведение. С такой точки зрения автор усматривает в художественном изображении главным образом лишь средство представить историю в ее целом, ибо произведение художественное прежде всего требует внутренней законченности или цельности.

Тем не менее Гервинус не дает ни общей методологии истории, ни даже одного из ее главнейших отделов. В своем труде он устанавливает только те условия, которые, по его мнению, должны быть соблюдаемы историком для достижения «внутренней цельности» путем художественного изображения прошлого, и с такой познавательно-эстетической, объединяющей материал точки зрения намечает главнейшие роды исторической литературы. Историческое изложение начинается с простой генеалогии, затем переходит в хронику (т. е. главным образом, в запись событий), а затем в мемуары, объясняющие мотивы человеческих действий, что в свою очередь ведет к прагматической истории; не отрицая необходимости и теперь считаться с требованиями хронологического и прагматического изложения, историк не может, однако, ограничиться им: он должен стремиться к историческим комбинациям и изучать сущность тех идей, в которых он усматривает одновременно и силы, движущие человечеством, и цель его

¹⁸ *Humboldt W. v. Ueber die Aufgabe des Geschichtschreibers in Abhandlungen der historisch. – philolog. Klasse der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1820—1821. Berlin, 1822. Ср. J. Goldfriedrich. Die historische Ideenlehre in Deutschland. Berl., 1902. S. 107—163; Kittel O. W. v. Humboldts geschichtliche Weltanschauung u. s. w. Lpz., 1901.*

истории; историк следит за действием таких сил, проникающих собою всю историю и придающих ей внутреннее единство, за их возникновением, за их стремлением к победе и господством и за их исчезновением под напором новых идей. Следовательно, историк придает значение фактам в зависимости от того отношения, в каком они находятся к идеям; но как только историк начинает с указанной точки зрения «группировать» факты, он сообщает своему произведению «наикрасивейшее единство», благодаря которому, оно в качестве художественного произведения будет действовать на всего человека (читателя) и облагораживать все его существо.¹⁹

Таким образом, Гервинус в своей книжке применяет учение об идеях к теории исторического построения; но он слишком мало выясняет свою теоретико-познавательную точку зрения, например, «сущность идей», их действие и т. п.; он также смешивает научное построение исторического целого с художественным его изображением, да и самое понятие о целом (особенно об «эволюционном» целом) оставляет без надлежащего внимания.

Наконец, то же направление еще заметно и в конспекте лекций, которые Дройзен стал читать с 1857 г. в Берлинском университете по методологии истории.

Дройзен находился под некоторым влиянием Гегеля; но он не усвоил себе какой-либо определенной системы и не создал новой; склонный к метафизике, он высказывает, однако, положения, далеко не всегда согласованные между собою, например, касательно понятия о свободе. Дройзен, подобно своим предшественникам, исходит из учения об идеях; во главе их он ставит идею абсолютной целостности: «только в Боге мы можем понимать историю»; вообще он понимает под идеями те «нравственные силы» (*sittliche Mächte*), которые порождают и оживотворяют более или менее постоянные формы социальной жизни (семью, государство, народ и т. п.); значит, он пытается комбинировать учение об идеях в истории с историко-социологическим исследованием ее явлений: обращая внимание на единичное в той мере, в какой идеи осуществляются в нем, историк сперва с такой теоретической точки зрения «понимает» единичное в его отношении к целому и описывает его, но вслед за тем изучает и общие его проявления. Впрочем, кроме понятия об истории, т. е. о «нравственном мире, рассматриваемом с точки зрения его становления (*Werden und Wachsen*)», и об историческом методе Дройзен излагает в своей книге еще учение о методике, т. е. о толковании текста, критике, интерпретации и о способах излагать историю, а также рассуждает о систематике, т. е. о тех точках зрения, с которых можно группировать исторические факты. Впрочем, и в тех случаях, когда рассуждения автора (например, о психическом характере исторических источников и фактов) можно признать правильными, они далеко не всегда ясно выражены: в своих афоризмах он не развивает высказываемых им положений, не доказывает их и не иллюстрирует примерами. Тем не менее Дройзен высказывает в своей книге немало ценных и глубоких замечаний, например, о делении источников на остатки и предания, о психологическом истолковании, об отношении этики к истории и т. п.; но систему их изложения едва ли можно признать удачной: методология источниковедения и методология исторического построения в ней смешаны.²⁰

Таким образом, с середины XVIII в. философия начала оказывать влияние на развитие методологии истории: оно заметно отразилось уже в важнейших общих трудах, посвященных ее изложению и вышедших до 1870-х годов. В то время, однако, сама философия стала обращать особенное внимание на теорию познания; последняя вступила в более тесную связь и с логикой (Шуппе и др.), и с методологией наук; а в число научных методов, разумеется, пришлось включить и исторический метод. Благодаря вышеуказанным условиям в курсах логики, появившихся в конце 1870-х – начале 1880-х годов, можно уже найти особые отделы, имеющие

¹⁹ *Gervinus G. Grundzüge der Historik.* Lpz., 1837; ср. *D ö rffel J. Gervinus, als historischer Denker.* Gotha, 1904.

²⁰ *Droysen J. C. Grundriss der Historik.* Leipz., 1868; 2-те Aufl., 1875; 3-те Aufl., 1882.

близкое отношение к методологии истории. Главнейшие из таких курсов принадлежат Вундту и Сигварту.

В духе трансцендентального идеализма, рассуждая о творческой деятельности разума, Вундт признает, что последний привносит в опыт свойственные ему категории. Маститый ученый не вполне выдерживает, однако, такую точку зрения: он полагает, например, что «логические законы нашего мышления суть вместе с тем и законы его объектов»; а в своем учении о методе он слишком часто упускает из виду понятие о единстве сознания и рассуждает о разрозненных «логиках» отдельных наук, в зависимости от разнообразия их объектов. Тенденция подобного рода обнаруживается, например, уже в общем учении Вундта о методах исследования: анализе и синтезе, отвлечении и определении, индукции и дедукции, а также о форме систематического изложения, определении, классификации и доказательстве. В своей конструкции методологии отдельных наук Вундт также обращает внимание не столько на различие тех познавательных точек зрения, с которых они могут рассматривать один и тот же объект, сколько на различие их объектов или изучаемых ими «процессов». С последней точки зрения, автор и различает, помимо формально-конструктивных наук, науки о природе и науки о духе (*Naturwissenschaften und Geisteswissenschaften*). Явления духовного порядка характеризуются оценкой, целеполаганием и волевою деятельностью (III, 15 и след.); следовательно, общая наука о духе, т. е. психология, должна лежать в основе построения остальных наук о духе. Вслед за изложением «логики психологии» автор со свойственной ему обстоятельностью обзревает «логику» социальных наук (социологии, политической экономии и юриспруденции) и «логику исторических наук», т. е. филологии и истории. Естественно, что Вундт, исходя из вышеуказанных положений, рассматривает историю скорее с обобщающей, чем с индивидуализирующей точки зрения. Автор прилагает психологические принципы к истолкованию исторического процесса; он трактует об общих условиях исторического развития, о принципе целесообразности в его применении к истории и – в психологическом смысле – о законах в истории. В самом деле, историческая наука – прикладная психология; наиболее общие законы истории не что иное, как законы самой психологии (III, 400). Впрочем, в свое понятие об «историческом законе» Вундт с течением времени внес существенные ограничения: исторический закон формулируется лишь относительно деятельности одного какого-либо фактора исторической жизни, выхваченного из нее, и значит, в сущности, дает лишь одностороннее понятие об исторической действительности; если же иметь в виду сложную комбинацию факторов, то «конкретный исторический закон» вообще получает характер «единичного закона»: «он имеет силу лишь применительно к тому единичному историческому течению, от которого он абстрагирован» (III, 429). Таким образом, Вундт стремится примирить обобщающую точку зрения на историю с индивидуализирующей; но в вышеприведенном рассуждении он пользуется термином «закон» в очень широком смысле и едва ли не смешивает понятие о законе с понятием о его реализации в действительности. В связи с другого рода соображениями сам Вундт даже готов признать, что историк, поскольку он имеет дело с единичными фактами, лишен возможности говорить о законах применительно к ним, а довольствуется только их психологической интерпретацией (III, 130, 138); но автор не разъясняет, на каком основании историк все же интересуется индивидуальным. Такое же колебание заметно у Вундта и в определении объекта исторического изучения: ограничивая, например, объем истории, он полагает, что дикие народы, не оказавшие влияния на общий ход развития человечества, изучаются антропологом, этнологом и народной психологией, а не историком. Но на каком основании историк должен пренебрегать изучением диких народов, между которыми столь много общего, и останавливаться на изучении исторических судеб одних только «цивилизованных народов»? Вундт мало выясняет также, в чем именно состоит историческая связь (специальный вид причинно-следственности в истории), и нередко пользуется в сущности общим понятием о законе в своих телеологических построениях. Таким образом, можно сказать, что та общая познавательная

точка зрения, с которой Вундт рассуждает об истории, остается не совсем ясной. В более специальных отделах своей книги Вундт излагает методы исторического изучения; не выяснив основных познавательных целей, которые имеются в виду при их употреблении, он ограничивается довольно беглым обзором главнейших приемов исторической критики и интерпретации, употребляемых в науке, и слишком мало останавливается на характеристике методов исторического построения.²¹

Сигварт писал раньше Вундта; но в некоторых отношениях его труд оказывается более современным. Сигварт придерживается преимущественно теоретико-познавательной критической точки зрения; он выясняет критерии и основания истинности наших суждений, а не только формально-методологические приемы мышления; он признает логическую необходимость категорий и стремится к согласованности мышления в его элементах; он приходит к заключению, что необходимость единичных суждений покоится на всеобщих принципах, непосредственно очевидных; достоверность их нельзя «выводить из опыта, который только благодаря им и возможен в форме настоящего суждения» (I, 420 и др.). Вместе с тем, однако, Сигварт стремится выяснить и реальное содержание принципов нашего познания. Такое стремление автор обнаруживает и в изучении мышления, особенно в указании на волевые его основы (*Denkenwollen*), на его цели и момент оценки, и в том внимании, с каким он останавливается на специфических особенностях методологии отдельных наук, поскольку она зависит от свойств объекта данной науки. С указанной точки зрения Сигварт изучает методологию естествознания (в теории индукции он близок к Дживонсу) и много нового и ценного вносит в методологию психологии и истории. Сигварт высказывается против безразборчивого перенесения методов естествознания в психологию и историю; такого взгляда он придерживается, например, развивая свое учение о субъекте в психологии и о действительности в истории. Специально в области исторической методологии Сигварт изучает приложение тех умозаключений, в которых мы от данной наличности фактов (*Thatbestand*) заключаем о действительно вызвавших их причинах (II, 598), и выясняет те основания, в силу которых мы признаем такие умозаключения истинными (II, 610—644). Теория о том, что историк исходит из действительности для того, чтобы возвести ее к причинам, вызвавшим ее, — главным образом, к психологическим факторам, обстоятельно развита Сигвартом; из нее исходили и некоторые последующие теоретики истории как знания об индивидуальном. Исторические эмпирические законы, по мнению Сигварта, имеют нормативный характер в том смысле, что из общих свойств человеческой природы и целесообразности можно вывести, что именно человек, желающий данной цели, должен сделать для ее достижения, предполагая разумное понимание им (субъектом) средств, наиболее пригодных для достижения данной цели. В действительности, однако, человек может вовсе и не желать данной цели и не понимать, какие именно средства ему нужны для наилучшего ее достижения (II, 637 и след.). Сигварт пользуется учением о субъекте и для построения понятия об эволюции: в отношении к данному субъекту можно говорить о его развитии (II, 661—667), что легко применить также к коллективному целому, изучаемому в его развитии. Вообще можно сказать, что при некотором консерватизме своих понятий Сигварт все же дает и много новых исходных положений, логически обоснованных и приуроченных к реальному пониманию специфических особенностей данной отрасли науки, в частности, и исторического знания.²²

Таким образом, Вундт и Сигварт уже ввели в свои общие курсы логики учение о принципах и методах исторической науки; но в своих рассуждениях о ее задачах они придерживаются различных точек зрения: Вундт — скорее обобщающей, чем индивидуализирующей, Сигварт —

²¹ *Wundt W. Logik*, 1 Aufl., в. I—II (1883); 2-te Aufl. age, в. I—II (в 3 кн.). Stuttgart, 1893—1895; 3-te Aufl. age, в. I—II (в 3 кн.). Stuttgart, 1906—1908.

²² *Sigwart Chr. Logik*, в. I—II, 1-te Aufl., 1873—1878; 2-te Aufl., 1889—1893; 3-te Aufl., 1904; рус. пер. в 3 т. спб., 1909.

скорее индивидуализирующей, чем обобщающей. Историки также не замедлили испытать на себе влияние вышеуказанных различных течений мысли. В семидесятых и даже восьмидесятых годах прошлого века теоретико-познавательные точки зрения, с которых они строили свои теории, однако, еще не вполне дифференцировались; точки зрения обобщающая и индивидуализирующая скорее включались в соответствующие построения, чем обосновывались, и излагались в связи с другими взглядами, например эволюционным или историко-философским.

В числе приверженцев обобщающей точки зрения можно указать, например, на Бурдо. В своем сочинении об истории и историках Бурдо полагает, что историческая наука должна формулировать «специальные» и «общие законы» («законы сходства и последовательности, закон прогресса»), пользуясь статистическим методом наблюдения над фактами, постоянно повторяющимися, и распространяя свои обобщения на прошлое и будущее человечества. В своем труде Бурдо также определяет объект исторического знания, но с эволюционной точки зрения: история есть наука о «развитиях разума»; она изучает не царство животных, а «человеческое царство», характеризуемое деятельностью разума, т. е. те факты, «которые разум направляет или влияние которых он на себе испытывает». Задача научно-исторического построения и состоит в том, чтобы формулировать «законы постоянной метаморфозы», которой человеческий вид подвергается²³. Сам Бурдо, однако, не выдерживает своей точки зрения: по его мнению, например, нельзя встретить двух людей, которые, за исключением «вещей очевидных или доказанных», «думали бы одинаково по всем вопросам, а может быть, и по одному из них». Но много ли «вещей очевидных и доказанных» и не придется ли историку, интересующемуся такими «вещами», заниматься логикой, а не историей? Вместе с тем автор готов признать, что задача исторической науки – рассказать историю человеческого вида, «великого коллективного существа, характеризуемого способностью разума». Но не оказывается ли такое «существо» своего рода индивидуальностью? И можно ли определять такой объект только с эволюционной точки зрения?

В то время, однако, несколько историков уже успели высказаться и в пользу индивидуализирующей точки зрения на историю; но они все еще не вполне ясно формулировали ее. Фримэн, например, давно уже выразил нечто подобное в виде частной формулы, имеющей характер эмпирического обобщения: в 1872 г. он выступил с лекцией, в которой развил мысль о «единстве истории» и с такой точки зрения настаивал на том, что лишь принимая во внимание отношение изучаемого периода к всему целому исторического развития человечества, можно понимать его. Указанный принцип, по мнению автора, имеет большое значение, по крайней мере применительно к истории арийских или европейских народов. Впрочем, Фримэн не обосновал своей точки зрения и слишком мало воспользовался ею для построения методологии истории, хотя и посвятил в позднейшее время целую книгу изложению «методов исторического изучения»²⁴. В русской литературе, в сущности, аналогичное понимание истории также отчасти обнаружилось, например, в трудах Н. И. Кареева. В своих «Основных вопросах философии и истории» Н. И. Кареев развивает мысль, что «философия истории» не занимается разысканием законов, но пользуется законами психологии и социологии для философского изображения всемирной истории; он касается, например, вопроса о единстве истории человечества и ее плановности; он выясняет, что без руководящей идеи и объединяющего принципа «нельзя ни выбирать, ни группировать факты» и что историк должен пользоваться «историософическим критерием, т. е. философской меркой, для оценки истории», причем усматривает ее в развитии личности; он занимается также изучением понятия прогресса, дает «опыт теории исторического прогресса» и даже формулирует общий его закон. Автор «Основных вопросов»

²³ Bourdeau L. L'histoire et les historiens; essai critique sur l'histoire, considérée comme science positive. Par., 1888.

²⁴ Freeman E. The Unity of history, 1872; см. «Comparative Politics». Ld., 1873. P. 296—341; ср. его же: The Methods of historical Study. Ld., 1884.

писал свой труд в то время, когда чисто логическое различие между двумя познавательными целями науки или точками зрения – обобщающей и индивидуализирующей – еще слишком мало было выяснено в литературе; тот же пробел чувствуется и в его собственном труде, посвященном не столько теории исторического знания, сколько «историософии», т. е. «методологии философии истории». Вместе с тем автор связывает принятую им теоретико-познавательную точку зрения с историко-философской: он дает и «общую теорию исторического процесса, исторической эволюции и исторического прогресса», а также много рассуждает о «философии истории» в смысле «изображения всемирной истории с философской точки зрения».²⁵

Под влиянием различных течений в области теории познания, в особенности трудов Конта и Милля, Виндельбанда и Риккерта, в последнее время интерес к проблемам методологии истории значительно оживился и их стали обсуждать с двух довольно резко противопоставляемых познавательных точек зрения на задачи истории как науки или обобщающей, или индивидуализирующей наше знание о действительно бывшем.

В числе ученых, которые придерживаются обобщающей точки зрения на историю, можно назвать Тэна, Лампрехта, Брейзина и др.; но наиболее систематическое изложение понимания истории в таком именно смысле было сделано Лакомбом. Вообще Лакомб понимает под наукой лишь такую совокупность суждений, которые высказывают общезначимые истины касательно необходимой причинно-следственной связи между явлениями в пределах однородных или сходных серий процессов; значит, история будет наукой в той мере, в какой она удовлетворяет тому же требованию обобщения; в сущности она, значит, не отличается от социологии. Итак, история должна изучать явления, порожденные человеческими действиями, поскольку они сходны между собою или вообще, или в известных пределах времени и пространства; историк интересуется, собственно говоря, человеком в той мере, в какой он производит сходные между собою действия (*l'homme général, l'homme temporaire*); человек вообще, обусловленный в своих действиях данною совокупностью условий или особою средой, и есть «исторический человек». Автор называет результаты таких действий учреждениями (*institution*) и противопоставляет их единичным фактам – событиям (*é v é nement*); события должны привлекать внимание историка, поскольку они способны породить учреждения. Далее Лакомб рассуждает об историческом методе: в основание его он кладет психологию; она дает понятие о человеке вообще («*l'homme général*») и о его потребностях как о факторах развития; таким образом, историк орудует гипотетически дедуктивным методом, проверяя его индукцией. Вслед за тем, прилагая вышеуказанные понятия и методы к изучению исторического процесса, Лакомб обзревает материал, пригодный для истории-науки, и переходит к характеристике человека с временно устойчивыми свойствами (*homme temporaire*) как фактора прогресса: автор занимается анализом его определяющих элементов – степени цивилизации, т. е. богатства или «возможности человеку легко производить полезные действия», нравственности и умственного развития. В последних главах своей книги Лакомб трактует о причинах прогрессивного развития человечества, причем различает психические и социальные факторы; он также останавливается на выяснении двух «идей», которыми историк пользуется при изучении развития, а именно – идеи необходимости (*détermination*) и идеи случайности, порождаемой чисто индивидуальными актами. Закон прогресса, по его мнению, состоит в сохранении энергии, ведущем к борьбе за существование и имеющем целью достигнуть счастья под условием соблюдения долга. Наконец, в заключительных главах своего труда Лакомб пытается приложить добытые им понятия к решению некоторых исторических проблем и рассуждает о «предвидении в истории». При чтении интересно и легко написанной книги Лакомба нельзя не заметить, однако, в ней довольно существенных недостатков. Автор не обосновывает своей точки

²⁵ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. М., 1883, 2 т.; 2-е изд., 1887; 3-е (сокращенное). СПб., 1897; ср. его же «Сущность исторического процесса и роль личности в истории». СПб., 1890.

зрения на задачи науки вообще и исторической науки в частности, а скорее исходит из нее в своих рассуждениях об «истории-науке»; он также не останавливается на выяснении понятий о причинно-следственности в истории и о развитии, о прогрессе и регрессе. При оценке исторических факторов автор, может быть, слишком большое значение придает факторам экономическим в ущерб духовным и, слишком изолируя их, не принимает в расчет того значения, какое каждый из них получает в зависимости от остальных, а потому и его обобщения оказываются односторонними. Законосообразности исторического процесса, устанавливаемые автором, можно назвать скорее правилами, чем законами. Не мешает заметить, наконец, что, охотно прибегая и к социологическим обобщениям, добытым на основании изучения первобытной культуры, автор слишком доверяет им, благодаря чему и впадает в некоторые ошибки (ср. р. VIII, 69, 83 и др.).²⁶

Многие историки, также полагающие, что история – наука, усматривают, однако, главную ее задачу не в обобщении, а наоборот, в индивидуализировании нашего знания о действительности и с такой точки зрения рассуждают о теории исторического знания и о методах исторического изучения. В числе подобного рода трудов я пока ограничусь указанием на общие руководства Бернгейма, Мейера и Ланглуа-Сеньобоса.

Бернгейм склоняется к индивидуализирующей точке зрения, с которой он выясняет отношения между разными науками (в том числе народной психологией, а также социологией) и историей. Автор восстает против смешения естествознания с историей: в последнем издании своей книги он уже находится под влиянием новейших учений и проводит более резкое различие между познавательными целями естествознания и исторического знания, между обобщением и индивидуализированием, а значит, и между образуемыми ими понятиями; с такой точки зрения он и приходит к заключению, что историческое знание есть знание «всех единичных происшествий, как связанных между собою моментов эволюционных рядов, которые слагаются в пределах взятого в его совокупности социального развития человечества». Тем не менее Бернгейм дает общую характеристику исторического знания, главным образом, в его зависимости от объекта исторического изучения: имея в виду целеполагающую деятельность человека и придавая большое значение психологическому объяснению исторических фактов, история изучает явления, обусловленные «психической каузальностью» (S. 133—144). Следовательно, история не может ограничиться изучением массовых или коллективных явлений; она должна принимать во внимание значение отдельных личностей и событий в историческом процессе; занимаясь выяснением причин исторических явлений, историк должен помнить, что исторический процесс есть взаимодействие двоякого рода факторов – индивидуальных и коллективных. С такой точки зрения Бернгейм и оттеняет, что объектом исторического изучения следует признать «человека» в той мере, в какой он действует «в определенное время и в определенном месте» как социальное существо. Автор вносит те же понятия и в свое определение истории; она «изучает и изображает» временно и пространственно ограниченные факты развития людей в их (единичной, а также типической и коллективной) деятельности, как социальных существ, в соотношении, имеющем характер психофизической причинной связи» (S. 5, 9). Хотя определение Бернгейма вызвало возражения со стороны не только противников, но и приверженцев того же индивидуализирующего направления (например, со стороны Below'a), однако все признают за его учебником крупные достоинства: он дает обстоятельное обозрение истории развития исторической науки, а также излагает приемы исторической критики и интерпретации, исторического построения и повествования. Не останавливаясь здесь на подробном разборе этого почтенного труда с массой библиографических указаний, я только замечу, что автор все же мало обосновывает свою теоретико-познавательную точку зрения и смешивает теоретические принципы с техническими правилами. По методологии источни-

²⁶ *Lacombe P. De l'histoire considerée comme science. Par., 1894.*

коведения Бернгейм сообщает много ценного. При разборе вопроса о степени соответствия между «источниками» и «действительностью», например, автор не раз касается свойств самих источников, как «*Geistesprodukten*». Вслед за Дройзеном он пытается установить систему главных разновидностей источников, т. е. проводить различие между остатками культуры (все, что непосредственно осталось от происходившего и сохраняется) и преданием (все, что посредственно передается нам о происходившем). Впрочем, Бернгейм слишком мало интересуется основаниями такого деления и не применяет его принцип к систематике более конкретных групп исторического материала. Нельзя не заметить, что и дальнейшая система его изложения вызывает некоторые сомнения. Бернгейм помещает, например, интерпретацию источников в отдел исторического построения; но без понимания источника в сущности нельзя подвергать его надлежащей критике; излагая приемы последней в зависимости от разновидностей критикуемого материала, он довольно слабо развивает свою мысль и не вполне удовлетворяет компетентных судей. При изложении методологии исторического построения Бернгейму следовало бы выяснить методы построения исторического факта и исторической связи, применение статистики и психологии, а также социальных наук к истории, приемы построения эволюционных серий, периодизации и т. п.; но автор, в сущности, обходит такие вопросы молчанием, ограничиваясь изложением (кроме методов интерпретации; см. выше) учения о «комбинациях» фактов во времени и по месту или по материям, о репродукции и фантазии, и об «общих факторах» исторического процесса, а также учения об аксиологических (оценочных) суждениях и о «масштабах» в истории.²⁷

Впрочем, кроме вышеуказанного общего руководства можно отметить еще труд известного историка «древности» Мейера и «введение» Ланглуа и Сеньобоса: Мейер преимущественно рассуждает о «принципах исторической науки», а Ланглуа и Сеньобос обратили главное свое внимание на методы исторического изучения.

Мейер придерживается индивидуализирующей точки зрения на историю: в противоположность обобщениям естествознания она занимается изучением «индивидуумов». Историк стремится установить действительно бывшие единичные факты, возникающие путем случайного скрещивания и совпадения во времени многих причинно-следственных рядов; столь же существенным «моментом» он признает и действие свободной целеполагающей воли человека; но и в случаях подобного рода он усматривает «каузальность», только проявляющуюся иным способом, чем в «законосообразных процессах» (S. 185); вместе с тем под историческим фактом он понимает «факт, действие которого не исчерпывается моментом его появления, но который продолжает действовать и в последующее время» (S. 186), т. е. судит о значении факта по его действительности. Далее Мейер рассуждает о неисторических и исторических прогрессирующих народах, о культурной и политической истории и о том значении, какое «индивидуальные факторы» имеют в культурной истории, а «общие факторы» – в политической (S. 195—196). Он также говорит о том целом (государстве и системе государств), которое изучается историком; об историческом методе, т. е. об объяснении, исходящем из данного следствия, восходящем к его причинам и принимающем форму заключения по аналогии; о значении «отрицательных событий» (того, что не случилось в данном месте и в данное время) для объяснения действительно случившегося; об исторической критике; об историческом изображении, долженствующем отличаться индивидуальными красками; об исторических источниках (памятниках, актах и преданиях) и т. п. Таким образом, в книге много ценных частных замечаний

²⁷ *Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode*, 1 Aufl., 1889; 5–6-te Aufl., 1908; последнее издание, сравнительно с предшествующими и в особенности с первым значительно переработано и дополнено. В кратком руководстве «*Einleitung in die Geschichtswissenschaft*», Lpz., 1905 (Sammlung Göschen) тот же автор дает сокращенное изложение главного своего труда, снабженное, впрочем, некоторыми дополнениями и предназначенное для начинающих; оно содержит главы о «сущности задачи исторической науки», об «области исторической науки» и о «методике исторической науки»; рус. пер. под ред. проф. С. Е. Сабина. М., 1908.

методологического характера, что уже видно из предшествующего обзора ее содержания; но есть и несколько недостатков. Мейер, например, не останавливается на обосновании своей теоретико-познавательной точки зрения и, довольно слабо установив ее, не развивает ее систематически; не входя в рассмотрение учения о ценности (cf. S. 186), он ограничивается общими и беглыми замечаниями о том, что историческими мы называем факты по их действительности, хотя сам же рассуждает о «внутренней ценности» фактов (см. s. 189, 191). Далее автор оперирует понятиями о случае и о свободной воле, не установивши их (о разных значениях понятий «случай» и «свобода воли» см. ниже), а потому и его утверждение, что в таких «моментах» следует тоже усматривать «действие причинности», только проявляющееся «другим способом, чем в законосообразных процессах», остается невыясненным; на изучении понятия об историческом целом и методов его построения он также мало останавливается. Вообще отдел «элементов», озаглавленный «История и историческая наука», не обладает единством содержания: наряду, например, с довольно отрывочными рассуждениями о сущности истории, об историческом методе и об историческом повествовании, объединенными одной и той же познавательной точкой зрения, автор особо трактует о хронологии, главным образом, о различных способах летосчисления, об историографии и ее развитии и в особенности о некоторых исторических сочинениях, посвященных обозрению древней истории.²⁸

Некоторое увлечение теорией исторического знания, обнаружившееся в новейших трудах по методологии истории, успело уже вызвать противодействие со стороны Ланглуа и Сеньобоса. В своем кратком руководстве Ланглуа и Сеньобос дают понятие не столько о теории исторического знания, сколько о методах исторического изучения, а также о технике исторических работ; легко заметить, что авторы даже мало заботятся о том, чтобы обосновать принципы исторической методологии, и скорее преподают правила исторических исследований, впрочем, весьма полезные для всякого, в особенности для начинающего работника. Таким образом, с теоретической точки зрения, пособие Ланглуа и Сеньобоса мало удовлетворяет читателя; авторы высказывают пренебрежение к «метафизике» и, по-видимому, смешивают ее с теорией познания, а принципы и методы исторического знания – с техническими правилами; слишком мало выясняя место, занимаемое в системе наук историей и настаивая на случайности исторического знания, авторы высказывают довольно противоречивые положения относительно ее метода: они полагают, например, что «история не наука наблюдения» (p. 44), и вместе с тем ниже они утверждают, что история, подобно всякой науке, основанной на наблюдении, не имеет права, пользуясь единичным наблюдением, приходиться к какому-либо научному заключению и что в лучшем случае «историческое утверждение не что иное, как наблюдение, довольно плохо сделанное и нуждающееся в подтверждении путем других наблюдений» (P. 145, 167). В своем изложении методов исторического изучения Ланглуа и Сеньобос дают гораздо больше ценных замечаний; но и оно несвободно от возражений. Авторы разделяют свое произведение на две главные части: *opérations analytiques* (ср. методологию источниковедения) и *opérations synthétiques* (ср. методологию исторического построения). Такая терминология едва ли удачна: она подчеркивает не различие познавательных целей, а различие операций; но разные операции могут служить для достижения одной и той же цели: синтетические встречаются и в источниковедении (например, понятие о творчестве данного автора), аналитические – в историческом построении (например, анализ причинно-следственной связи). В своем курсе Ланглуа и Сеньобос не дают, однако, ясного понятия о том, что собственно нужно разуметь под источником; допуская колебания в своем взгляде на историю как «науку наблюдения», они упускают из

²⁸ Meyer E. *Geschichte des Altertums*, 2 Aufl., bd. I, Erste Hälfte; Einleitung «Elemente der Anthropologie», Stuttgart u. Ber., 1907. В 1902 г. автор напечатал труд под заглавием «Zur Theorie und Methodik der Geschichte», Halle; но главное его содержание в «исправленном», хотя и более кратком виде вошло в «Элементы антропологии». В числе аналогичных трудов с более специальным содержанием можно еще указать на сочинения А. *Grottenfelt* 'a Die Wertschätzung in der Geschichte. Lpz., 1903; *Geschichtliche Wertmaßstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und Im Volksbewusstsein*. Lpz., 1905.

виду весьма важный отдел источников – остатки культуры, а такой пробел приводит их к чрезмерному скепсису касательно достоверности источников (Р. 167). В дальнейшем своем построении авторы зачисляются интерпретацию источников в критику, придавая последней слишком широкое значение. Ланглуа и Сеньобос рассуждают также об исторических объяснениях (причинно-следственной связи), заключениях и обобщениях и об условиях, при соблюдении которых такие выводы могут получить достоверность; но они слишком мало обосновывают свое учение о группировке исторических фактов по разновидностям, о построении эволюционных серий и т. п. Тем не менее руководство Ланглуа и Сеньобоса может быть полезно начинающему работнику и пригодится всякому интересующемуся техникой исторических работ.²⁹

Впрочем, в настоящее время можно указать и на таких историков, которые пытаются комбинировать обобщающую точку зрения с индивидуализирующей; представители такого смешанного направления не всегда ясно различают вышеуказанные теоретико-познавательные цели, что приводит не столько к соединению, сколько к смешению их между собою.

В числе новейших историков, например, придерживающихся смешанного направления, Линднер занимает довольно видное место. В своем труде по «философии истории», не останавливаясь на логическом различии между обобщением и индивидуализированием, он рассуждает только о постоянстве и об изменении в истории, а также о «коллективных» и «индивидуальных» факторах исторического процесса; он полагает, что всякое становление (*Werden*) индивидуально, а историческое течение «коллективно». С указанной точки зрения автор рассуждает об историческом процессе, об исторических факторах (идеях, «массе», «великих людях») и характеризует важнейшие исторические группы («народы» и «нации»), из которых главное значение он приписывает монголам, семитам и индогерманцам; он высказывает также несколько соображений об условиях жизнедеятельности народов, о государстве, церкви и т. п. и об историческом развитии в совокупности его культурных, социальных и политических проявлений.³⁰

В русской литературе можно также отметить труд, автор которого Е. Н. Щепкин, кажется, стремится в некоторой мере примирить оба направления³¹. Автор пытается исходить из «теории познания, господствующей среди представителей критического эмпиризма» и придает употребляемым им терминам «тот смысл, который укрепился в литературе критического эмпиризма». Действительно, автор рассуждает о «коллективном опыте», о «функциональной зависимости» в смысле причинно-следственной, об «экономичном описании» явлений в смысле их объяснения и т. п. Вместе с тем, однако, автор находится под заметным влиянием Вундта, учение которого, разумеется, нельзя отождествлять с эмпириокритицизмом: соответствующий отдел в его учении о методах, по словам автора, все еще остается «лучшим» очерком логики истории. Тем не менее автора нельзя назвать и строгим последователем Вундта: «так как число причинных рядов, сходящихся для обоснования (*sic*) события, по его словам, может доходить до бесконечности, то объекты истории и носят более или менее единичный, иногда не повторяющийся даже приблизительно характер. Только в этом смысле неповторяемости тождеств все явления могут быть названы случайными, хотя ни одно из них не разрывает нитей причинности». С такой же точки зрения, едва ли, впрочем, отличающейся определенностью (ср. выражения «может», «более или менее» и «все явления»), автор рассуждает и о личности. Вопреки Вундту он вообще как будто склоняется к отрицанию собственно исторических законов. Впрочем, в своей брошюре Е. Н. Щепкин останавливается лишь на двух вопросах, а именно: он выясняет, в чем состоит психологическое истолкование исторических

²⁹ *Langlois Ch. – V. et Seignobos Ch. Introduction aux études historiques*, 1-re éd., Par., 1898; 2-me éd., Par.: рус. пер. В. Денисова.

³⁰ *Lindner Th. Geschichtsphilosophie, Einleitung zu einer Weltgeschichte seit der Völkerwanderung*. Stuttgart, 1901.

³¹ *Щепкин Е. Вопросы методологии истории*. Одесса, 1905.

фактов и значение идей в истории; в последней статье он рассуждает о «нравственных и этических идеях» с психологической точки зрения.

В числе представителей того же течения можно, наконец, указать и на Моно. Судя по его статье, озаглавленной «Метод в истории», он стремится в известной мере сочетать оба вышеуказанных направления – обобщающее с индивидуализирующим. Моно, например, пишет, что «история есть коллективная психология» (Р. 350); но в то же время он, подобно Мишелэ, признает «воскресение прошлого» наивысшей задачей историка и, под влиянием Ксенополя, рассуждает об истории, несколько не отождествляя ее с науками обобщающими: она изучает факты последовательности и вместо формулировки законов группирует факты в серии и устанавливает между ними причинно-следственные отношения. С указанной точки зрения автор признает идеальной целью истории «реконструкцию в серии времен жизни человечества во всей ее совокупности». Впрочем, придерживаясь такой теоретико-познавательной точки зрения, Моно едва ли, однако, с должной определенностью и ясностью формулирует ее. Аналогичное колебание заметно и в других его рассуждениях: понимая под законом и «предварительную гипотезу, рассматриваемую как истинную, пока она кажется нам пригодной для объяснения всех известных нам явлений одного и того же порядка», автор как будто склоняется к мысли, что историк может достигать таких же обобщений; исторический факт, подобно всякому другому явлению природы, имеет свою причину в предшествующем факте; с такой точки зрения можно с гораздо большей надеждой на успех объяснять, комбинировать и обобщать факты, чем «воображая, что в свободной воле человека кроется автономная причина, в каждый данный момент способная видоизменить ход истории»; но несколько ниже автор ставит историка в обязанность различать в человеческих действиях ту долю индивидуального творчества, которую нельзя заранее предвидеть и определить. С такой же двойственной точки зрения Моно рассуждает и об объекте исторического знания: история изучает «постоянные элементы», передаваемые в человечестве путем наследственности, традиции, подражания и привычки и придающие непрерывность историческому процессу, и те «элементы изменения и обновления», которые человеческое творчество ежеминутно вносит в тот же процесс и которые «определяют собою эволюцию». В вышеприведенных довольно отрывочных замечаниях Моно не обосновывает предлагаемого им понимания истории и не разъясняет, каким образом можно примирить вышеуказанные направления в области исторического знания. В остальной части своего труда Моно дает несколько более обстоятельную характеристику анализа и синтеза в истории. Под «анализом» Моно понимает «критику источников» и «критику фактов». В разделе, озаглавленном «Критика источников», он, не соблюдая единства в принципе деления, без достаточных оснований различает три главных вида источников, а именно: произведения (*ouvrages*, к которым он относит и летописи, и произведения литературы), «акты» и «памятники», и дает очень краткое понятие о критике подлинности и о критике достоверности источников. В разделе, посвященном изложению критики фактов, он обращает внимание, между прочим, на значение для нее понятий о степени согласованности изучаемого факта с остальными фактами данного периода. Под «синтезом» Моно понимает «историческое построение и обобщение», оценку, психологическое истолкование и философию истории. «Построение» находится в тесной связи с оценкой фактов: она состоит в определении того значения, какое данный факт имеет в цепи причин и следствий. Далее. Психология играет видную роль в истории: ведь историк в сущности имеет дело с действиями людей, а действия людей – своего рода жесты, которыми историк интересуется лишь в той мере, в какой внутренняя жизнь обнаруживается через их посредство. Наконец, философия истории выясняет, главным образом, понятие о прогрессе, причем, в различных областях жизни весьма различным; такое понятие не может иметь значение закона и даже не всегда играет роль руководящего принципа: прогресс в области наук имеет совсем иной «характер», чем прогресс в области нравственности и искусства. Итак, можно сказать, что в своей статье Моно дает не столько теорию историче-

ского знания, сколько краткое обозрение методов исторического изучения, благодаря чему и его общее обозрение последних страдает некоторой неясностью основных положений и отсутствием объединенной системы понятий; но оно может служить для предварительного ознакомления в самых общих чертах с такими методами; изложение далеко не всегда отличается ясностью и точностью, что легко заметить из вышеприведенных рассуждений автора о задачах истории или о прогрессе и т. п.³²

Само собою разумеется, что вышеуказанные направления в области методологии истории отразились и во многих других произведениях философской и исторической литературы; они отчасти еще будут приняты во внимание при изучении генезиса номотетического и идеографического понимания истории, а также при изложении методов исторического изучения.³³

³² *Monod G.* La méthode en histoire; первоначально в «Revue politique et littéraire», 1908. Т. I. P. 449—455 и 486—493; вслед за тем без существенных изменений в сборнике «La méthode dans les sciences», изд. под ред. P. F. Thomas. Par., 1909. P. 319—362.

³³ В числе кратких общих руководств, кроме указанных выше, можно еще отметить *Ch. et V. Mortet.* La Science de l'histoire. Par., 1894 (отдельный оттиск из «La Grande Encyclopédie», t. XX); *Meister A.* Grundriss der Geschichtswissenschaft zur Einführung in das Studium der Deutschen Geschichte des Mittelalters und der Neuzeit. Lpz., 1906 и след. *Br éhier L. et Desdevizes du Dezert.* Le travail historique. Par., 1907.

Часть I

Теория исторического знания

Главнейшие направления в теории исторического знания

С теоретико-познавательной точки зрения научное знание характеризуется его систематическим единством. Подобно нашему сознанию, отличающемуся единством, и наука должна быть объединенным знанием: в таком смысле всякое знание, претендующее на название науки, должно представлять единое целое нашего познания, приведенное на основании известных его принципов в систематический порядок. В самом деле, наука стремится соблюсти единство точки зрения, последовательно провести ее в области нашего знания, выдержать установленные благодаря ей основные положения в их последовательном раскрытии и т. п. Вместе с тем наука есть объединенная система понятий, охватывающих возможно больше данных нашего опыта; она пытается установить возможно меньшее число понятий, в каждое из которых укладывалось бы возможно большее число представлений о фактах. Такие же требования соответственно предъявляются и к отдельным наукам: и естествознание, и история одинаково стремятся выработать системы понятий, которые отличались бы единством и обнимали бы все объективно данное их содержание.

Достижение абсолютного единства всех данных нашего опыта сопряжено, однако, с величайшими затруднениями. Ведь если бы человеческому сознанию и удалось формулировать единый закон, по которому мир существует, нельзя было бы вывести из такого закона самый факт действительного его существования. Вместе с тем наука не может получить единство в явный ущерб полноте нашего знания: она должна удовлетворять наш интерес не только к общему, но и к индивидуальному; она должна выяснить значение для нас и общих понятий, и самой действительности.

При таких условиях наука не может объединить все данные нашего опыта и достигнуть единства в нашем знании одним и тем же путем: она объединяет его и с обобщающей точки зрения, образуя общие понятия, под которые можно подводить частные, и с индивидуализирующей точки зрения, устанавливая понятие о едином целом и выясняя отношение к нему его частей. В самом деле, одну и ту же вещь можно изучать с двух различных точек зрения: или поскольку в ней есть нечто общее с другими вещами, или поскольку она представляется нам частью некоего целого и в таком смысле единственной в своем роде и индивидуальной. В первом случае мы изучаем вещь с номотетической точки зрения, во втором – с идеографической. Эта терминология, кажется, в достаточной мере выражает упомянутое выше противоположение³⁴. Слова «номотетическая точка зрения», очевидно, дают понять, что знание, построенное с такой точки зрения, стремится к законам и притом «полагает», т. е. строит их; слова «идео-

³⁴ *Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg, 1900. S. 12.* Предлагая здесь эту терминологию, автор понимает вышеуказанные термины в несколько ином смысле, о чем см. ниже. Термин «номографический», которым предлагают заменить термин «номотетический», представляется мне еще менее удобным: νομογραφέω – «пишу, издаю законы»; да и во второй своей части он плохо выражает задачу обобщения и совпадает с термином «идиографический», где то же слово употребляется уже в другом смысле. Термин «номологический» также оказывается не совсем удобным: номология – в буквальном смысле: знание о законах (в смысле законодательства); тот же термин употребляется одним из современных мыслителей для обозначения особой «теоретической» науки, предмет которой – понятие о законе, не смешиваемое с понятием о типе и т. п.; она изучает «отношения зависимости, сами по себе взятые» и т. д. См.: *Naville A. Nouvelle classification des sciences. Par., 1901. P. 40—44.* Барт предлагает другую терминологию; см.: *Barth Th. Darstellende und begriffliche Geschichte // Vierteljahr. für Wis. Philosophie. Bd. XXIII. P. 352* и др.: но она кажется мне менее удачной, чем терминология Виндельбанда.

графическая точка зрения» указывают на то, что знание подобного рода интересуется индивидуальными фактами и состоит в их описании.

Место, отводимое в системе наук истории, будет различно, смотря по тому, какой из вышеуказанных точек зрения придерживаться.

Мыслители, занимавшиеся систематикой наук с номотетической точки зрения, различали их по большей или меньшей степени их абстрактности (Конт, Спенсер) либо по характеру изучаемых ими процессов и предметов (Бентам, Ампер, Вундт); преимущественно с последней точки зрения они стали располагать науки в один ряд и делить их на науки о природе и науки о духе («*Naturwissenschaften*» и «*Geisteswissenschaften*»). Впрочем, вскоре пришли к заключению, что для построения наук о духе нужны еще добавочные принципы, которыми естествознание не пользуется, но без которых нельзя установить понятие о явлениях духовного порядка: для их понимания приходится путем размышления догадываться о наличии особого рода факторов, действием которых такие явления и объясняются (Вундт); вместе с тем отличию их от явлений природы можно придавать разный смысл, в зависимости от того, принимать теорию взаимодействия души с телом или теорию психофизического параллелизма (Зигварт, Вундт и др.). Только что указанная схема деления наук на науки о природе и науки о духе получила особенно широкое применение и к построению истории; в числе наук о духе почетное место было отведено психологии: она была положена в основу всех остальных наук о духе, а следовательно, и социологии, и истории; в системах подобного рода, значит, социология и история, преследуя одни и те же общенаучные цели, т. е. построение общих понятий и законов, отличаются только объектом своего исследования.

В позднейшее время (особенно с конца 80-х гг.) многие под наукой стали понимать научно-объединенное или обоснованное знание, хотя бы оно и не состояло из обобщений, т. е. знание, построенное или с номотетической, или с идеографической точки зрения. По теоретико-познавательным точкам зрения, целям познания, а не по познаваемым «предметам» или «процессам» познания стали различать науки обобщающие от наук индивидуализирующих. Таким образом получился двойной ряд наук: одни из них строятся с номотетической (натуралистической) точки зрения, характеризующей естествознание в широком смысле; другие – с точки зрения идеографической (чисто «исторической»), такова история в широком смысле, т. е. история природы и человечества (Навилль, Виндельбанд, Риккерт и др.).

Следует различать, конечно, вышеуказанные познавательные точки зрения, с которых что-либо изучается, от изучаемых объектов; но историки, и притом обоих лагерей, легко смешивают ту или другую принимаемую ими точку зрения на историю, например, с понятием о факторах исторического процесса. Историки-социологи часто рассуждают о методе «прежней», «индивидуалистической» исторической школы, представители которой преимущественно обращали внимание на единичное, на выдающиеся личности, и о методе новейшей «коллективистической» исторической школы, охотно характеризуя их различие не различием вышеуказанных точек зрения, а различной оценкой каждой школой «индивидуальных» и «коллективных» факторов истории (Лампрехт и др.). Историки, склоняющиеся к идеографической точке зрения, также иногда полагают, что спор между обоими лагерями идет, главным образом, об относительном значении «индивидуальных и коллективных факторов в исторической жизни» (Гротенфельт и др.). В рассуждениях подобного рода гносеологическое построение смешивается с реалистическим.

В частности, смотря по тому признавать «наукой» только одно научно-обобщенное знание или еще и такое, которое стремится к индивидуализированию, придется разное соотношение между двумя науками, по предмету своего исследования (если не по точке зрения), во всяком случае, близкими друг к другу: я понимаю социологию и историю. С точки зрения научно-обобщенного знания между социологией и историей не должно быть принципиального различия: обе стремятся к обобщению и разнятся только по ближайшим объектам

исследования: социология обобщает преимущественно явления постоянно повторяющиеся, а история – явления развития; в таком случае легко свести социологию к социальной статике, а историю – к социальной динамике. С точки зрения научно-обоснованного знания, принимающего во внимание и наш интерес к индивидуальному, между социологией и историей нужно, напротив, признавать принципиальное различие. Социология стремится к построению общих понятий; история – напротив, к образованию понятий индивидуальных, например, понятия о едином целом, об отношении к нему частей, об историческом значении индивидуального и т. п.

Значит, и построение теории исторического знания может быть различным, смотря по тому, проводится оно с номотетической или с идеографической точки зрения; в нижеследующем изложении я и остановлюсь на рассмотрении каждого из этих типов построения научно-исторического знания в отдельности.

Отдел первый

Построение теории исторического знания с номотетической точки зрения

В настоящем отделе, посвященном выяснению номотетического построения исторической науки, я остановлюсь и на изучении его генезиса, и на рассмотрении его оснований.

Обстоятельства, обусловившие появление данной теории, не могут, конечно, служить для ее обоснования; но изучая ее развитие, легче понять ее основания. Такое различие ближайших задач нашего исследования оправдывается еще тем, что номотетическая теория исторического знания до сих пор не получила своей окончательной формулировки: главнейшие ее представители обыкновенно переносят логические принципы «естествознания» в область исторической науки: они скорее пользуются готовыми понятиями, черпаемыми из «науки о природе», для научной обработки исторического материала, чем самостоятельно строят систему собственно исторических понятий. Естественно, что при таких условиях генезис номотетического построения исторического знания имеет существенное значение для понимания его оснований; тем не менее рассмотрение последних должно быть сделано особо, в систематическом порядке; благодаря ему легче будет подвергнуть их и критической оценке.

Глава первая

Главнейшие моменты в развитии номотетического построения исторического знания

Номотетическое построение исторического знания имеет длинную историю: его зачатки можно было бы разыскать уже в литературе классической древности (например, у Полибия); я не стану, однако, следить за постепенным его развитием и коснусь в самых общих чертах лишь главнейших и наиболее характерных его моментов.

В числе таких моментов достаточно отметить следующие: номотетическое направление складывалось в зависимости от развития понятия о законосообразности исторических явлений; но последнее стали формулировать в психологическом смысле, что обусловлено было образованием особой отрасли науки – психологии; ее выводы получили существенное значение и для построения «исторических законов», и для дальнейшей разработки отдельных отраслей исторической науки в духе того же номотетического направления.

§ 1. Развитие понятия о законосообразности исторических явлений

Провидческая точка зрения, с которой мыслители прежнего времени смотрели на историю человечества, хотя и придавала ей некоторое единство и порядок, но сохраняла за ними трансцендентный характер и все же задерживала развитие чисто научного понятия о законосообразности исторических явлений. Правда, у представителей Возрождения, уже утративших цельность христианского мирозерцания, можно встретить взгляды, близко подходящие к современному социологическому пониманию исторического процесса: Макиавелли, например, писал, что «мир содержит одинаковую массу добра и зла», что одни и те же желания и страсти царствовали и царствуют при всякого рода правлениях и у всех народов и что они порождают одинаковые результаты; знаменитый флорентийский политик уже готов был признать, что известные циклы развития могут быть сходными; он полагал, что тому, кто углубится в изучение прошлых событий, легко предсказывать и то, что будущее принесет каждому

государству³⁵. Прежнее мировоззрение, тем не менее, долгое время оставалось в силе: еще Боссуэт придерживался провидческой точки зрения в своей философии истории; лишь с начала XVIII в. можно заметить более решительный поворот в сторону научного понимания истории.

В числе представителей такого переходного времени нельзя не упомянуть о Вико: он исходил из положения, что Божественный разум – носитель той вечной идеи истории, которая раскрывается в действительности, и что Божественный промысел действует помимо согласия людей и вопреки их планам; но он же пытается комбинировать богословие с социологией и историей: новая наука, правда, подчеркивает особое призвание евреев, история которых не подводится под общие законы; она же занимается, однако, и изучением конкретно данной истории остальных народов. С последней точки зрения, уже отличающейся от провидческой, новая наука изучает «общую природу наций», одинаковую в разных местах и в разное время; она устанавливает аналогии между детством человека и детством человеческого рода, а также между дикими народами и начальными стадиями развития цивилизованных наций; она стремится выяснить некоторую законосообразность их историй. Ввиду сходства в природе народов, истории их, протекающие независимо друг от друга, должны быть также сходными: такое сходство обнаруживается в развитии их идей, языка и религии, нравственности, семейного строя и общественного быта. В своей истории народы проходят три стадии: «век богов», «век героев» и «век людей»; следовательно, можно усматривать сходство и в проходимых ими циклах развития. Египет, Греция и Рим одинаково прошли через цикл вышеупомянутых стадий. В позднейшее время, после падения Римской империи, народы снова оказались в состоянии, сходном с первоначальной стадией – «веком богов», а затем перешли в период «Средних веков», сходный с героическим веком Древней Греции, и в современный «век людей». Таким образом, можно сказать, что Вико во многих отношениях уже близок к тому социологическому пониманию истории, которое стремится установить ее законы. Впрочем, отмечая в общих чертах сходство в циклах развития, проходимых разными народами, автор новой науки не утверждал, однако, их тождества, а значит, и безусловной их повторяемости во времени.³⁶

Последующая эволюция того же понятия о законосообразности исторических явлений, главным образом, поскольку оно состояло в высвобождении историков от исключительного преобладания провидческой точки зрения, смешиваемой с научной, находилось в тесной связи с именами Вольтера и Монтескье.

Ввиду рационалистических и моральных соображений Вольтер признавал существование Бога; но он не допускал, подобно Вико, каких-либо исключений из мирового порядка: Высшее Существо правит миром через посредство общих законов и не может путем произвольного вмешательства, т. е. чудес, нарушать их течение. Мало склонный к метафизике, Вольтер пытался освободить человеческий разум и от традиционных понятий: он высоко ценил английский эмпиризм, противопоставлял относительное абсолютному и критическую точку зрения – догматической; он стремился без предвзятой системы изучать «природу» и уже до появления своего «опыта о нравах» склонялся к отрицанию свободы воли.

Таким образом, Вольтер несколько приближался к естественнонаучному пониманию истории; отвергая развитие видов, он, с точки зрения своего релятивизма, все же приходил к понятию об исторической эволюции и о прогрессе, совершающемся, хотя и не без колебаний, в области науки и нравственности, а значит, и вообще в жизни человечества. В своем «Опыте» Вольтер действительно обзревает прогресс человеческого ума, зарождение и образование национальных нравов и развитие общества со времени Карла Великого до Людовика XIII. Со

³⁵ *Macchiavelli N. Disc.*, 1. I, cap. 39; 1. II, Intr.: 1. III, cap. 43.

³⁶ *Vico G. Principj di Scienza Nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni*, 1725, особенно книги I, IV и V; 3-е изд. 1744. См.: *Croce B. Bibliographia Vichiana*. Napoli, 1904 и *Supplemento alla Bibliographia Vichiana*. Napoli, 1907; *Flint R. Vico*, Ed. and. Ld., 1884 и др.: о сходстве героического века Древней Греции с Средневековьем ср. *Meyer E. Geschichte des Alterthums*. Bd. II. Zweites Buch.

свойственным ему литературным талантом изображая «нравы и дух народов», Вольтер стремился дать очерк культурной истории человечества, выделив ее в особую отрасль научно-исторического ведения; при построении ее он из многообразия действительности выбирал такие факты, которые, по его мнению, имели значение для истории наций, т. е. затрагивали наибольшее число интересов и, следовательно, оказывались наиболее важными; с такой точки зрения он приписывал, однако, большое значение великим людям, особенно государям, и обращал внимание на мнения, обычаи, управление, финансы, науки, искусства и т. п. В теоретическом отношении построение Вольтера представляло, конечно, немало промахов: у него не было, например, ясного понимания исторического критерия выбора фактов, да и обобщения его не всегда удовлетворяли научным требованиям; но своим трудом он открыл целый ряд попыток построить историю человеческой культуры, разработкой которой, например, после него занимались Гердер и Геерен.³⁷

Почти одновременно с «Опытом» Вольтера появился и «Дух законов»; его автор Монтескье, подобно Бодену но с большею основательностью, попытался применить обобщающую точку зрения в области истории. Монтескье сам занимался изучением естественных наук и даже проводил специальные исследования по физике, ботанике и анатомии; благодаря им он освоился с естественнонаучным понятием «закона»: он полагал, что под законом в широком смысле следует разуметь необходимые отношения, проистекающие из естества вещей, и что в таком смысле и человек имеет свои законы; в своем сочинении он останавливался также на выяснении человеческих законов в узком смысле – в отношении их к климату и почве данной страны, ее населенности, нравам, обычаям населения и т. п. Монтескье, по словам его биографа, – гений обобщающий: в обобщении его величие и слабость. В своем «Духе законов» он желал, чтобы тот, кто читает, например, страницы, посвященные Англии или Версалию, говорил себе: «вот что случится всюду, где при таких же условиях будут поступать так же, как в Англии или Версале». Монтескье строил известные типы отношений и хотел, чтобы читатель мог подводить под них их разновидности; чтобы он (при чтении его книги) в сущности не знал, где происходило то, о чем идет речь, – в Афинах, Спарте или Риме, но только чтобы он чувствовал, что в случаях подобного рода он имеет дело с демократическим или республиканским строем; чтобы в других случаях, например, при изображении монархии, он узнавал знакомые ему черты испанского государственного строя наряду с чертами французского, но чтобы ему ни тот, ни другой конкретный случай не представлялся порознь во всей совокупности присутствующих каждому из них особенностей, а чтобы он усматривал в них лишь свойства, общие обоим. Таким образом, Монтескье стремится построить тип, общий республикам или монархиям, но не выводя его из идеала, а отвлекая от действительности черты, общие тем республикам и монархиям, которые были известны ему.³⁸

Понятие о законосообразности явлений общественной жизни, уже обратившее на себя внимание Монтескье, было одновременно высказано Юмом и получило дальнейшее развитие в талантливых очерках Тюрго и Кондорсэ, а также мало-помалу стало проникать и в немецкую литературу, например в сочинения Вегелина и других представителей немецкого просвещения; но они чаще занимались «философией истории», чем историей культуры.

Значительное развитие, какое точные науки, и в особенности естествознание, получили в конце XVIII – начале XIX веков (Лаплас, Гаусс, Вольтга, Дэви, Бертолле, Биша, Кювье, Ламарк и др.), должно было, конечно, породить надежду найти такие же законосообразности и в явле-

³⁷ *Voltaire*. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations*; автор начал свой «Опыт» в 1740 г., но он вышел только в 1756 г.; ср. его же сочинения «Le siècle de Louis XIII» и «Le siècle de Louis XIV»; *Sakmann P.* *Probleme der historischen Methode und Geschichtsphilosophie Voltaire* // *Hist. Zeit.* B. 98, 1906. S. 327—379 и др.

³⁸ *Montesquieu*. *L'esprit des lois*, 1748; см. изд. 1851, 1. I и др.; *Sorel A.* *Montesquieu*. P. 86—87, 88; *Barckhausen H.* *Montesquieu, l'Esprit des lois et les archives de la Brède*. Par., 1904; *Ego же.* *Montesquieu, les Idées et les oeuvres d'après les papiers de la Brède*. Par., 1907.

ниях психической (Кабанис) и общественной жизни: Конт, например, под обаянием открытий, сделанных в области естествознания, попытался установить начала «социальной физики»; его понятие о «развитии» и социологическое построение истории также оказало влияние на некоторых последующих социологов и историков.

Вместе с тем «социальная физика» получила возможность пользоваться и новым, статистическим методом: разработка цифровых данных о рождениях, браках, смертности людей и т. п. давала основание предполагать некоторое единообразие в явлениях общественной жизни. Зюсмилх впервые обратил внимание на тот «божественный» порядок, который обнаруживается в изменениях человеческого рода³⁹. Тот самый «порядок», на который Зюсмилх указывал в своем сочинении, вскоре стали изучать и с чисто научной точки зрения, утвердившейся в области статистических исследований благодаря трудам Кетле по «социальной физике»⁴⁰. Для того, чтобы судить о значении подобного рода исследований для развития номотетического построения исторического знания, достаточно припомнить, какое влияние они оказали, например, хотя бы на рассуждения Бокля о «законах истории».

Таким образом, провидчество постепенно утратило прежнее исключительное влияние на понимание истории и стало уступать свое место научному естествознанию: дальнейшая эволюция того же понятия о законосообразности исторических явлений, окончательно высвободившегося от провидчества, находилась в довольно близком отношении к развитию трех других понятий, а именно: понятию о естественной среде, о «естественной истории» человека как особого вида – *species homo* и «о культурной истории» человечества.

Понятие о естественной среде, в которой человеку приходится жить и действовать, конечно, давно уже обратило на себя внимание мыслителей и ученых: география, многим обязанная уже древнегреческим писателям, стала описывать природные условия человеческой жизнедеятельности; но после Страбона и Павсания прошло немало времени, прежде чем вслед за Себастианом Мюнстером, составившим «описание всех стран» (1544 г.), Варений начал заниматься изучением физической, а Клувер – исторической географии; знаменитые представители гёттингенской исторической школы Гаттерер и Шлецер установили тесную связь между географией и историей, а известный Риттер в начале прошлого века положил географию «в основу исторических наук» и попытался выяснить значение природы различных стран в их истории⁴¹. Такое «антропогеографическое» изучение постоянного действия природы на человека, ее влияния на расселение и поселение людей, на их жизнедеятельность и культуру вскрывало, конечно, некоторую законосообразность исторического развития и обнаруживало известную зависимость от географических условий даже изменчивых форм государственного устройства.⁴²

Понятие о естественной среде человеческой жизнедеятельности находилось в тесной связи и с понятием о «естественной истории человеческого рода»: оно стало выясняться, главным образом, с антрополого-этнографической точки зрения и видоизменилось под влиянием эволюционной теории, которая утвердилась в естествознании с середины прошлого века и в таком виде оказала воздействие на понимание исторического процесса.

В самом деле, уже Блуменбах, анатом и физиолог по специальности, интересовался «естественной историей человеческого рода», хотя еще и не употреблял термин «антропология». Анатом и физиолог Левелинг также стремился сделать антропологию доступной для студентов всех факультетов и вообще для каждого образованного человека; в 1799 г. он, например,

³⁹ *S ü ssmilch*. Göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts aus der Geburt, dem Tode und Fortpflanzung desselben erwiesen. Berlin, 1748; вслед за тем Зюсмилх переработал свой очерк в большое сочинение, вышедшее двумя изданиями в 1761 г.

⁴⁰ *Quetelet A.* Sur l'homme et le développement de ses facultés ou Essai de physique sociale. V. 1–2. Par., 1835.

⁴¹ *Ritter K.* Erdkunde Im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen и проч.; 19 B-de. Berl., 1882—1859.

⁴² *Ratzel F.* Anthropogeographie, 2 B-de. Lpz., 1882 (2-е изд. 1899) и 1891. *Ego же*. Politische Geographie, 1897.

читал лекции по антропологии⁴³. В последующее время Брока и Топинар, Вайц, Ранке и др. немало сделали для ее разработки. Под антропологией первоначально разумели «естественную историю человеческого рода» (Блуменбах); но уже Кант поставил антропологию в связь с психологией, а Фихте (I. H. Fichte) в 1856 г. издал свою известную «антропологию», обнимавшую «учение о человеческой душе». Другие ученые стали связывать антропологию, поскольку она занимается изучением свойств человека (преимущественно физических), с этнографией⁴⁴. Несколько позднее лейпцигский профессор Шмидт под общим названием «антропологии» читал и о физической природе человека, и о его положении в природе, «всеобщую этнологию» и проч., а Тейлор включил в свою известную книгу («Anthropology») обзор всей первобытной культуры. Ввиду того что антропология вмещала столь разнообразные предметы, легко было переносить понятия, вырабатываемые естествознанием, в область социологии и истории; понятие о расе, например, получило с течением времени широкое применение в некоторых исторических построениях.

Антропология, выяснявшая понятие о естественной истории человеческого рода, развивалась, однако, в связи с разработкой этнографии. Антрополог Bluembach уже пытался выяснить «природное разнообразие человеческого рода». Вслед за ним Притчард дал общее обозрение человеческого рода по племенам и народам с естественноисторической точки зрения⁴⁵. Вскоре затем, по мысли Мильна Эдварса (1829), в Париже возникло этнологическое общество, начавшее действовать с 1839 г. Вместе с тем этнография, первоначально смешиваемая с антропологией, стала постепенно обособляться от нее: антропология изучала человека в качестве зоологического вида (*species homo*), по природе своей отличающегося известными физическими и психическими свойствами, а этнография приступила к изучению человека, поскольку он принадлежит определенному обществу, объединенному происхождением и общим языком, а также подчиненному общим обычаям. Сравнительная этнография обнаружила, что в жизни самых разнообразных народностей можно встретить много сходных проявлений.⁴⁶

Антропология уже давала понятие о естественноисторическом виде *homo*; но все же и антропология, и этнография до середины прошлого века слишком мало останавливались на понятии о его происхождении и о его развитии; последнее получило надлежащее биологическое обоснование лишь после того, как Дарвин (одновременно с Уоллэсом) представил в Линнеевское общество свой знаменитый мемуар о естественном подборе (1858 г.); вслед за тем он систематически развил учение о факторах эволюции, об изменчивости видов, борьбе за существование и естественном отборе, а также о наследственности приобретенных свойств; благодаря таким факторам виды постепенно развиваются и приспосабливаются к внешней среде. Новое учение давало основание рассуждать с эволюционной точки зрения и о «естественной истории человека», его жизни в обществе, его учреждениях и т. п.; наряду с «естественной историей человеческого рода» стали изучать «эволюцию человеческих обществ». С такой точки зрения, Спенсер, например, и воздвиг свои «Основания социологии»: широко пользуясь и этнографическим материалом, и выводами этнографии, он, подобно Конту, пытался с социологической точки зрения обобщать и историю; он объяснял исторический процесс при

⁴³ *Blumenbach I. F. Naturgeschichte des Menschengeschlechts, 1777.* – Возникшее в Париже в 1799 г. «общество наблюдателей над человеком» (*des observateurs de l'homme*) предполагало с сравнительно-антропологической точки зрения изучать физические, умственные и нравственные способности человека, а также местные особенности его типа; взаимодействие между душою и телом, и язык; психику глухонемых; жизнь дикарей, историю цивилизованных народов, их происхождение и переселение; мораль и законодательство и т. п.; но уже к 1805 г. общество закрылось: см. «*Rev. Scient.*». 1909. Oct. 23.

⁴⁴ *Waitz Th. Anthropologie der Naturvölker, 6 B-de. Lpz., 1859—1872.*

⁴⁵ *Blumenbach I. F. De generis humani varietate nativa, 3 ed. Gottingae, 1795; Pritchard C. Natural history of man. Ld., 1813.*

⁴⁶ *Müller F. Allgemeine Ethnographie. Wien, 1873. S. 1; cp. Andree R. Ethnographische Parallelen, 1878. Neue Folge 1889; Ratzel F. Völkerkunde, 3 B-de, 1885—1886 и др.*

помощи своего известного «закона эволюции», изучал развитие учреждений и, подобно Боклю, указывал на смену «воинственного типа» общества «индустриальным типом».⁴⁷

Развитие понятий о «естественной истории человеческого рода» и об эволюции человеческих обществ вызвало в историках, интересовавшихся ими, надежду достигнуть соответствующих обобщений и в истории; они стали заниматься ими преимущественно в области истории культуры.⁴⁸

Термин «культура» появился в Германии приблизительно в середине XVIII в. и был поставлен в довольно тесную связь с понятием «просвещение»; вышеуказанное развитие наук, близко соприкасавшихся с историей, конечно, оказало влияние на разработку истории культуры; в то время некоторые ученые, например Мёзер (Möser), начали так же интересоваться изучением народа, что и историки культуры позднейшего времени продолжали считать одной из главнейших своих задач, а Гердер приступил к изложению своей философии истории с культурно-исторической точки зрения. В самом деле, в связи с философией истории Гердер в сущности занимался и историей культуры. В своем известном сочинении он обратил внимание на то, что нации изменяются в зависимости от места и времени, а также от их «внутреннего характера»; он даже полагал, что «главный закон исторических явлений» состоит в следующем обобщении: «всюду на земле происходит то, что может на ней произойти, в зависимости частью от условий местоположения, частью от обстоятельств и случайностей времени, частью от прирожденного или благоприобретенного характера народов; последний складывается под влиянием весьма разнообразных факторов – и «климата», и образа жизни, и воспитания и первоначальных условий и обычных занятий населения; помимо географических условий и политические обстоятельства действуют на сложный ход истории человечества. Таким образом, в своей философии истории Гердер уже попытался формулировать «законы» исторических явлений и с вышеуказанной точки зрения приближался к научному пониманию исторического развития человечества. Почти в то же время Геерен пытался связать географию и этнографию с историей и приступил к научной разработке истории культуры.⁴⁹

Помимо общего развития научного духа, проникавшего также в область исторических изысканий, выделение истории культуры в качестве самостоятельной отрасли исторической науки совершилось и под влиянием других причин: частью благодаря романтизму, а также усилившемуся интересу к народности и народным массам, частью в связи с появлением специальных отраслей культурной истории, вроде, например, исторического языкознания и истории права.

Историко-лингвистические исследования уже проводились Аделунгом (1806—1816); он пытался путем сравнительного изучения языков выяснить родство племен индоевропейских, их общую родину, расселение и т. п. Такие исследования получили твердое научное обос-

⁴⁷ *Spencer H. Principles of Sociology*, 1876—1882; впрочем, автор «Оснований психологии», конечно, принимал во внимание и ее выводы, а также пользовался историей культуры при построении социологии.

⁴⁸ *Schaumkell E. Geschichte der deutschen Kulturgeschichtsschreibung von der Mitte des XVIII. J. bis zur Romantik Im Zusammenhang mit der allgemeinen geistigen Entwicklung*. Lpz., 1905; автор находится под влиянием Лампрехта; *Jodl F. Die Cul-turgeschichtsschreibung, Ihre Entwicklung und Ihr Problem*. Halle, 1878. В своей книге Иодль делает краткий общий очерк важнейших попыток построения истории человеческой культуры не с философской, а с научно-исторической точки зрения; автор широко понимает слово «культура», включая в нее и духовную, и материальную, и социально-политическую жизнь; но в своем обозрении он принимает во внимание лишь наиболее общие труды и общие устанавливаемые в них положения. В его обозрении можно указать и на пробелы, иногда довольно существенные; например, автор не останавливается на характеристике известного сочинения Буркгардта (*Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien*; 3-е изд. ее вышло в 1878 г.); кроме того, теперь это обозрение, конечно, несколько устарело; автор, например, не мог еще принять во внимание историю культуры Липперта, не говоря о позднейших популярных трудах Группе, Шурца, Швейгера-Лерхенфельда и др.

⁴⁹ *Herders' s Sämmtliche Werke*, herausgegeben v. Suphan; *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, см. т. XII (1887); новейшее критическое издание Th. Matthias'a Lpz. u. Wien. Гердер оказал влияние и на французскую мысль: Де Жерандо (*De Gerando*) распространял его «Идеи» во Франции, а позднее Кинэ занялся их переводом. *Heeren A. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt*, 1793 и др.

нование благодаря трудам Боппа, главным образом, его сравнительной грамматике (1833—1835 гг.). Вместе с тем Раск и Grimm (J. Grimm) установили известный «закон» перегласовки в германских наречиях и, следовательно, обнаружили такую законосообразность в истории языка, об открытии которой еще не мечтали в истории других отраслей культуры.

Почти одновременно с трудами по лингвистической палеонтологии возникла и историческая школа правоведения, также способствовавшая утверждению понятия о законосообразном развитии общественной жизни. С точки зрения представителей исторической школы, обычное право, ранее находившееся в пренебрежении, получило существенное значение; оно связывалось с понятием о массовой привычке, т. е. вело к понятию о повторяемости одних и тех же правоотношений; выводя к тому же право из народного духа, историки-юристы того времени стремились усмотреть закономерность в его развитии. Действительно, уже Гуго и его преемники любили сравнивать язык с правом, а Савиньи и его последователи стремились выяснить закономерное развитие права.⁵⁰

Самый термин «Kulturgeschichte», уже известный Клемму в широком смысле слова, окончательно вошел в употребление в немецкой литературе благодаря Друманну и Ваксмуту⁵¹; но термин «история культуры» понимался ими не одинаково.

Клемм, отличая философию истории от истории культуры, стремился, например, при построении ее соединить этнографическую точку зрения с историко-культурной⁵². Этнографическая точка зрения Клемма ярко видна уже в самом плане всего сочинения; в нем он придерживается такой системы изложения, которую с чисто исторической точки зрения нельзя признать удачной: много места уделяя изображению (преимущественно внешнего) быта первобытных народов, он затем дает представление о «культурных государствах» Америки, Египта, Китая, Японии и остальных культурных народов Востока и только в последних двух томах своего сочинения знакомит читателя с «языческой Европой» и с «христианским западом и востоком Европы». Аналогичная этнографическо-историческая точка зрения в наше время была положена Гельмольтом в основу редактируемой им «всемирной истории» человечества.⁵³

Влияние этнографической и историко-юридической школы сказалось и на трудах Ваксмута. В своих сочинениях по истории культуры Ваксмут обзревает ее по народностям и племенам и настаивает на тесной связи между историей народа и историей государства; он полагает, что без народности, национального духа государство лишено содержания – это пустая форма; он обращает особое внимание на государственное устройство, право и законодательство, а также на отношение народа к государству, т. е. на развитие права, и в нем видит влияние духа народного.⁵⁴

С только что указанной точки зрения можно было придти к заключению, что история народа – главнейшая часть всякой истории; заключение подобного рода действительно было высказано Кольбом в его известной истории человечества и особенно развито Рилем. Хорошо знакомый с современным ему народным бытом, Риль задался целью построить «естественную историю народа» и изучить во всей полноте и разнообразии его культуры; он в особенности стремился понять жизнь низших слоев общества, жизнь крестьянскую и мещанскую, образующую как бы «подпочву нашей культуры»⁵⁵. Таким образом, включая «историю народа»

⁵⁰ Hugo G. Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts, 1809 и др.; Savigny F. K. v. Von Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1814; System des heutigen Römischen Rechts. B. I, 1840 и др.

⁵¹ Drumann W. Grundriss der Culturgeschichte, 1847; Wachsmuth W. Allgemeine Culturgeschichte, 3 B-de, 1850—1852.

⁵² Klemm G. Allgemeine Geschichte der Menschheit. 1–10 B-de, 1843—1852.

⁵³ Helmolt H. F. Weltgeschichte. Lpz.; первый том этого сочинения вышел в 1899, а девятый – в 1907 г.

⁵⁴ Wachsmuth W. Europäische Sittengeschichte vom Ursprunge volksthümlicher Gestaltungen bis auf unsere Zeit, 6 B-de, 1831—1839 и Allgemeine Culturgeschichte, 3 B-de, 1850—1852.

⁵⁵ Kolb G. E. Geschichte der Menschheit und der Kultur als Supplement zu allen Werken über Weltgeschichte, 1843: новое значительно дополненное и отчасти измененное издание вышло в 1864—1870 гг.; Riehl W. Naturgeschichte des deutschen Volks,

в историю культуры, Риль и его единомышленники еще более расширяли область исторических наблюдений и находили в ней материал, легче поддающийся обобщению, чем факты «внешней истории».

Вместе с тем объект истории культуры получил несколько более широкое значение: заменяя немецкий термин своим собственным, французская, а отчасти и английская литературы стали связывать понятие «цивилизация» с понятиями об известной степени развития «просвещения» и социального строя. Уже Сен-Симон рассуждал о социальном развитии, а Гизо построил свою «историю цивилизации» даже преимущественно с социально-исторической точки зрения. Цивилизация, по мнению Гизо, есть развитие социальных отношений, социальной деятельности в связи с развитием человека, его души, его внутренней жизни, его индивидуальной деятельности; но сам Гизо изучал преимущественно лишь прогрессивное развитие общества. Впрочем, Ру-Ферран, один из ближайших преемников Гизо, включил в свой обзор и другие проявления культурной жизни народов⁵⁶. Историки, занимавшиеся изучением развития цивилизации, также находили в ней материал для обобщений. Тьерри уже называл такие исторические труды чистою абстракцией фактов, что отчасти оправдалось на примере некоторых представителей разбираемого направления.

В связи с развитием общей истории культуры находилось и развитие отдельных ее отраслей, наступившее главным образом с середины прошлого века. На подробном рассмотрении каждой из них я, однако, не могу останавливаться здесь и приведу лишь несколько примеров для того, чтобы показать, что и в разработке таких отраслей обобщение стало играть существенную роль.

С того времени, например, когда Буше де Перт стал проводить свои раскопки (1836—1841 гг.) в долине р. Соммы⁵⁷, а Ляйэлль вслед за тем представил геологические доказательства в пользу древности человека (1863 г.), между геологией и историей стали включать доисторическую археологию. Новой науке вскоре удалось обнаружить значительное однообразие форм подделок из камня, отчасти из бронзы и железа в разных местностях и у разных племен, а также некоторое однообразие в смене одного рода материала, подвергавшегося обработке, другим; впрочем, преждевременное обобщение делений, добытых французскими археологами, вело к распространению их на другие страны, что лишь в позднейшее время стало вызывать справедливую критику.

То же однообразие можно было наблюдать и в области истории духовной, и в области истории экономической культуры. Уже братья Гриммы полагали, что при одинаковых условиях результаты творчества должны быть одинаковы, и ссылались на единообразие человеческой психики для того, чтобы объяснить сходство некоторых сказаний, возникших независимо друг от друга у разных народов⁵⁸. Тэйлор, а в новейшее время Лэнг, Фрэзер и многие другие продолжают развивать ту же точку зрения⁵⁹. Изучение экономической истории также приводило к аналогичным выводам, но в другой сфере явлений, о чем уже отчасти свидетельствует известное сочинение Бека (Voeskh) о народном и государственном хозяйстве афинян, основанное на внимательном изучении частных фактов (1817 г.). Позднейшие работы в той же области возникали, частью пользуясь выводами исторической школы политической экономии (Рошер, Книс, Роджерс и др.), частью под влиянием экономического материализма (Маркс, Энгельс и др.).

4 В-де: с 1853 г.

⁵⁶ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, 1828—1830; Roux – Ferrand H. Histoire des progrès de la civilisation en Europe depuis l'ère chrétienne jusqu'au XIX sc., 1-е изд. 1833—1841, 2-е – 1847.

⁵⁷ Perthes J. Boucher de. Antiquités celtiques et antédiluviennes 3 v v. Abbeville, 1847—1865. De l'homme antédiluvien et de ses oeuvres. Par., 1860.

⁵⁸ Grimm Gebr. Kinder und Hausmärchen (1819), 3 Aufl., Göttingen, Bd. III, 1856. S. 405—406.

⁵⁹ Tylor E. Primitive Culture, 2 ed. (есть рус. пер.); Lang A. Mythes, Cultes et Religions, trad, Marillier. Par., 1896 и др.; Frazer J. G. The Golden bough, a study in magic and religion, 2 ed., 3 vol., Lond., 1900 и др.

В противоположность идеологам немецкой исторической школы экономисты пытались строго провести обобщающую точку зрения; опираясь на принцип причинно-следственности, Маркс (его коммунистический манифест вышел в 1848 г.), а за ним и Энгельс попытались формулировать законы связи между экономическим процессом и другими социальными явлениями в их историческом развитии. В таком методологическом смысле рассуждения Маркса о том, что способы производства обуславливают социальную жизнь, а также материальную, духовную и политическую, или установленное Марксом соответствие между производительными силами, экономической структурой и «надстройкой ее» – политико-правовой ее организацией оказали существенное влияние и на номотетическое понимание исторического процесса. «Экономический материализм» послужил основанием для целого ряда номотетических построений в области истории: Каутский и Лориа (не говоря о многих других) развивали основоположения Маркса в своих работах по теории исторического процесса и в исторических монографиях. С точки зрения принятой им теории Лориа, например, старался формулировать «законы социальной эволюции», «закон» роста населения, «параллельные законы» развития собственности и труда и т. п. Лампрехт первоначально также исходил из аналогичного понимания истории, но в позднейшее время изменил свою точку зрения.⁶⁰

Кроме вышеуказанных областей истории культуры, многие другие обращали на себя внимание исследователей, стремившихся к обобщению исторического материала. Не перечисляя их здесь, я отмечу еще лишь историю учреждений, разработанную Мэном и Стеббсом, Вайцем и Гнейстом, а также, не говоря о многих других, Фюстель де Куланжем. Мнение последнего довольно характерно: история, по его словам, не есть накопление известий о всякого рода событиях, происходивших в прошлой жизни человечества; она есть наука о человеческих обществах; задача ее состоит в том, чтобы познать, как эти общества образовались. История разыскивает, какие силы управляли ими, т. е. какие именно силы сплотили каждое из них и придали ему единство; она изучает жизненные органы общества, т. е. его право, его хозяйство, его умственные и материальные привычки, все его мировоззрение. Каждое из таких обществ было живым существом; историк должен описывать его жизнь. С некоторого времени придумали слово «социология»; слово «история» имело тот же смысл и говорило то же, по крайней мере для тех, которые его понимали правильно. История есть наука о социальных фактах, она и есть сама «социология».⁶¹

Таким образом, историки, изучавшие историю культуры вообще или развитие важнейших ее отраслей, находили здесь материал, поддававшийся некоторым обобщениям.

В самом деле, прежде всего можно заметить, что ученые, занимавшиеся сравнительным изучением не крупных событий, а мелких проявлений культурной жизни, например «домашнего быта», приближались к своего рода историческому атомизму: вместе с тем они имели дело с фактами, повторяющимися в известных пределах пространства и времени; будучи обыденными, последние оказываются и массовыми, что дает возможность прилагать к ним обобщающую точку зрения. В одном из своих трудов (*Sittengeschichte*) Ваксмут, например, при обозрении средневековой культуры изучает ее проявления, общие многим европейским народностям (рыцарство), и интересуется не только тем, что придавало ей единство или в чем оно выражалось, но и теми состояниями, которые повторялись в данных пределах времени и пространства (*gemeinsame Zustände*).

Историки культуры также стараются группировать факты с точки зрения сходства (а не различия) между ними и, например, в пределах данного периода, изучают явления, лишь общие людям того времени. Такая точка зрения уже обнаружилась в довольно ранних попытках

⁶⁰ *Woltmann L. Der historische Materialismus, 1900; Massaryk Th. Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des MarXismus, 1899; дальнейшие указания на литературу см. в последнем труде, имеющемся и в русском переводе. Кареев Н. Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб., 1896; Ср. Hammacher E. Das System des MarXismus. Lpz., 1909.*

⁶¹ *Coulanges Fustel de. Histoire des Institutions politiques de l'ancienne France. L'alleu et le domaine rural. Par., 1889. P. IV.*

историков культуры систематизировать изучаемый ими материал. Друмманн, например, систематически расчленяет проявления культуры на группы; то же в начале 50-х годов можно заметить и у Ваксмута (*Allgemeine Culturgeschichte*); последний принимает следующую группировку:

- a) религия, культ, церковь, нравственность;
- b) государственное устройство, право, военное дело, политика;
- c) материальная культура;
- d) искусство, наука и преподавание.

Такая же тенденция наблюдается и у позднейших историков; но она, разумеется, тоньше проводится: Буркгардт, например, изучает не столько генезис, сколько результаты Возрождения, проектированные на одну плоскость; он определяет господствующие в нем культурные течения и, расчленив их, получает известное число категорий, под которые он соответственно и подводит даже деятельность самых видных представителей Возрождения; впрочем, в данном случае прием подобного рода, по мнению одного из позднейших представителей того же направления, оправдывается тем, что ни один из деятелей того времени не был настолько велик, чтобы повлиять своей личностью на всю совокупность развития культуры⁶². Вышеуказанное стремление к обобщению вскоре обнаружилось и в попытках конструировать однородные серии исторических явлений. Иодль, например, рассуждая о методе, которого история культуры должна придерживаться, замечает, что при пользовании им дело сводится к тому, чтобы систематически выбрать из многочисленных «временно и пространственно разбеденных рядов развития» «однородное» и в целях «непосредственного сравнения» устранить всякое отношение и связь его с другими чужеродными, хотя бы и соприкасающимися с ними элементами. Современные представители истории культуры стремятся располагать ее проявления по однородным сериям развития. Мюллер-Лиер различает, например, историю развития «материальных средств» и работы; историю развития брака, семьи и т. п.; историю развития социальной жизни; историю духовного развития человечества: языка, знания и верований, нравственности, права и искусства.⁶³

В числе требований, предъявляемых истории культуры, ученые Нового времени ставят и обнаружение типического. Буркгардт изучал, например, тип итальянца времени Возрождения; Фрейтаг изображал немецкие типы прошлого времени и умел оттенять типическое, заключающееся в единичном случае. Риль также в сущности довольствовался построением типа немецкой культуры данного времени. Вообще изучение каждой области, отдела культуры, по словам Иодля, например, должно завершаться установлением обнаружившихся в ней типов. Аналогичные взгляды можно встретить и у новейших ученых. Шнюрер еще недавно заметил, что история культуры есть наука об изменениях в типической деятельности. Готейн в сущности придерживается той же точки зрения, когда говорит, что история культуры большею частью имеет дело с массовыми явлениями и что если среди таких однородных явлений исследователю удастся разыскать один типичный случай, то он один имеет значение для всех. Наконец, и Лампрехт высказывается в таком же духе.⁶⁴

Стремление изучать «типическое» находилось в связи и с отысканием законов истории; уже Риль, например, полагал, что история культуры должна будет «обосновать законы, по которым она зарождается, цветет, зреет и умирает». Почти одновременно, хотя и независимо от

⁶² *Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien*, 8-te Aufl., 1901. Автор устанавливает следующие группы: государство как произведение искусства (тирания и республика и их разновидности); развитие индивидуума; возрождение интереса к древности; открытие мира и человека; общественность и праздники; нравы и религия.

⁶³ *M ü l l e r – L y e r Fr. Entwicklungsstufen der Menschheit*: первая часть под заглавием «Phasen der Kultur». München, 1908. S. 39—44.

⁶⁴ *Gothein E. Die Aufgaben der Kulturgeschichte*. Lpz., 1889. S. 16.

него Бокль сделал попытку подобного рода в своем введении в историю цивилизации Англии⁶⁵. Всякая наука, рассуждает он, стремится к обобщению конкретных фактов и к установлению законов образования вещей и бытия; история путем приложения сравнительного изучения и статистического метода также должна стремиться к обобщению. Действия людей обуславливаются лишь тем, что им предшествует; значит, при тождественных условиях они должны носить отпечаток однообразия и давать тождественные результаты. В частности, действия людей обусловлены, с одной стороны, внешними условиями, т. е. «природой», действующей на дух; с другой же стороны, воздействием его на природу; тем или иным соотношением этих факторов (реальным значением их в данном месте и в данное время) определяется и степень культурного развития. При изучении всемирной истории легко заметить, однако, «вне Европы – подчинение человека природе» и, напротив, преобладающее «подчинение природы человеку» «в Европе»; можно даже сказать, что в ее истории такое воздействие постоянно усиливается; но «быстрое движение вперед» замечается относительно «истин умственных», а не «нравственных», остающихся в «неподвижном состоянии»; значит, научное построение истории сводится к открытию законов человеческого духа – в сущности, человеческого интеллекта, ибо прогресс человечества зависит от успеха, с которым законы явлений (природы) исследуются, и от той степени, в какой знание их свободно распространяется в обществе. Таким образом, история культуры в лице Бокля уже признала необходимость установить «законы человеческого духа», что, казалось, можно было осуществить лишь после превращения интуитивно-психологической точки зрения в научно-психологическую.

После Бокля хотя и были попытки построить «законы» в области истории культуры в материалистическом смысле, но они оказались несостоятельными и только лишний раз показали, что без психологии история культуры не может привести к обобщениям. Под сильным влиянием материализма и трансформизма Гельвальд, например, составил свою «историю культуры»⁶⁶: он держится того мнения, что одна и та же законосообразность обнаруживается и в природе, и в истории; «всякий культурный процесс есть только процесс природы»: борьба за существование лежит в основе истории, и даже идеалы человечества служат для нее лишь средствами или орудиями. Во всяком естественном процессе, а значит, и в историческом, можно усмотреть необходимую последовательность отдельных фазисов, не зависящую от воли человека; такая естественная механическая необходимость не только объясняется, но, поскольку она – необходимость, признается и должной; следовательно, сущее и должное, по мнению Гельвальда, одно и то же; объяснение сущего равносильно его оправданию. Подобно органической теории в социологии, такое направление нельзя было, однако, последовательно провести в истории. Действительно, вопреки своему «материализму» Гельвальд постоянно и при объяснении, и при изображении культурного развития человечества пользуется «духовными» факторами; вопреки отрицанию всякой телеологии он вносит ее в собственное построение. Таким образом, история культуры Гельвальда обнаруживает всю слабость теории, отрицающей психологические предпосылки истории, поскольку она признается наукой обобщающей.

Последующие теоретики истории культуры уже вполне определенно выставляли необходимость связать ее – в качестве науки обобщающей – с психологией. В числе задач, к разрешению которых история культуры должна стремиться, Иодль, например, указывает на открытие и объяснение всеобщих законов, обуславливающих общий ход ее; но работы в таком направлении стали давать плодотворные результаты лишь по мере того, как психологические законы, определяющие жизнь человечества, становились яснее; и если можно было бы рассчитывать на открытие законов исторического развития в общих его чертах, то все же чисто историче-

⁶⁵ *Buckle Th. H.* Introduction to the History of civilisation in England. Vol. I, 1857; V. II, 1861: рус. пер. А. Буйницкого и Ф. Ненароковой, изд. 2. С. 21, 22, 171, 202—204, 253, 254.

⁶⁶ *Hellwald Fr. v.* Die Kulturgeschichte in Ihrer natürlichen Entwicklung, 1875; 3-te Aufl., 1883.

ская обработка данного материала не была бы в состоянии (сама по себе) разрешить такую проблему: она нуждается в более глубоком психологическом основании; значит, лишь благодаря ему и история культуры могла бы надеяться на установление каких-либо законов исторического процесса.⁶⁷

§ 2. Развитие понятия о законообразности исторических явлений в психологическом смысле

С того времени, когда психология начала складываться в особую науку, ученые – приверженцы номотетического построения исторического знания все чаще стали прибегать к ней для того, чтобы обосновать свои научные обобщения и в области истории; лишь таким путем, казалось, можно было придать им характер законов; следовательно, дальнейшее развитие изучаемого нами направления должно было попасть в зависимость от развития психологических знаний; с их помощью историки пытались превратить историю в обобщающую науку.

Уже среди писателей классической древности можно было указать и на таких, которые с метафизической или с эмпирической точки зрения рассуждали о явлениях душевной жизни или же пытались совместить оба направления (Платон, Аристотель, Плотин и др.); обозрение длинного пути, по которому прошла психология, прежде чем она стала заметно влиять на историю, однако, завлекло бы нас слишком далеко: ведь такое влияние начало явно обнаруживаться лишь в течение XIX столетия. С 1820-х годов Герbart и Милль (James Mill) много содействовали ее развитию. Герbart, правда, ставил психологию в зависимость от метафизики; но он полагал, что метафизика есть наука о «понятности опыта»; он также учил о равновесии и движении представлений, что давало ему возможность бороться против старой теории «о способностях души», и стремился выяснить закономерность явлений душевной жизни. Вскоре после появления «психологии» Гербарта психологическая литература обогатилась известным трудом Милля: вслед за Гэртли и Юмом он содействовал развитию учения об ассоциации идей и устанавливал законы ассоциации между чувствованиями и идеями.

Новый период в развитии общей психологии можно начинать со времени выхода в свет капитальных трудов Фехнера и Лотце (1851 и 1852 гг.). С того времени ученые стали проводить различие между метафизикой и (эмпирической) психологией; они приступили к выработке более точных методов психологического изучения, проверяли самонаблюдение экспериментом и прибегали к самоанализу; настаивая на непрерывности «потока мышления», они вырабатывали учение о единстве сознания, о чувствованиях, о воле, о мотивации и проч. (ср. ниже); вместе с тем они начали обращать внимание на сложные явления душевной жизни, возникающие или развивающиеся в сознании индивидуума в зависимости от социального общения и характеризующиеся таким общением, а также указывали на значение психологии для социальных наук (Бенеке и др., Вундт).

К середине 1850-х годов можно отнести и образование особой отрасли психологии, которую я назову эволюционной. В своих известных «Основаниях психологии», появившихся в 1855 г., Спенсер систематически применил учение об эволюции к исследованию явлений душевной жизни; впрочем, и он еще обращал слишком мало внимания на развитие эмоций и волевых процессов. Специальная обработка эволюционной психологии продолжалась в разных областях: Вундт изучал, например, психологию животных; Прейер – психологию ребенка; Тэйлор – психологию дикаря.

С иной точки зрения Дильтей уже в наше время попытался наметить задачи особого рода психологии, занимающейся описанием и анализом душевной жизни «развитого человека» (ср. еще ниже).

⁶⁷ Jodl F. Die Culturgeschichte etc., § 108, 110, 121.

В начале того же нового периода в истории психологии следует отметить появление новой дисциплины, которую можно назвать социальной психологией; впрочем, она возникла в виде особых разновидностей, получивших свои особые названия – этологии, народной психологии и коллективной психологии; они имели большое значение для попыток обосновать теорию исторического знания с номотетической точки зрения.

Основателем «этологии» можно признать автора до сих пор известной логики Милля (J. St. Mill).

Милль во многих отношениях близок к Конту и его позитивизму: признавая, что все явления без исключения управляются неизменными законами, он желает перенести методы естественных наук в том виде, в каком они употребляются в естествознании, в науки социальные, в том числе в историю; тем не менее сам Милль много способствовал введению психологии в оборот социальных наук и истории.

«Конт, по его словам, не сделал ровно ничего для установления позитивного метода в науке о духе»: «не поместивши психологии на настоящее место ее в позитивной философии», он впал в «важное заблуждение», которое «послужило источником серьезных ошибок в его попытке создать социальную науку». Конт не объясняет, например, «каким образом должны мы наблюдать умственное»⁶⁸

⁶⁸ т. е. психическое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.